

Медвежий угол

Автор:

[Фредрик Бакман](#)

Медвежий угол

Фредрик Бакман

Захолустный Бьорнстад – Медвежий город – затерян в северной шведской глуши: дальше только непроходимые леса. Когда-то здесь кипела жизнь, а теперь царят безработица и безысходность. Последняя надежда жителей – местный юниорский хоккейный клуб, когда-то занявший второе место в чемпионате страны. Хоккей в Бьорнстаде – не просто спорт: вокруг него кипят нешуточные страсти, на нем завязаны все интересы, от него зависит, как сложатся судьбы. День победы в матче четвертьфинала стал самым счастливым и для города, и для руководства клуба, и для команды, и для ее семнадцатилетнего капитана Кевина Эрдаля. Но для пятнадцатилетней Майи Эриксон и ее родителей это был страшный день, перевернувший всю их жизнь...

Перед каждым жителем города встала необходимость сделать моральный выбор, ответить на вопрос: какую цену ты готов заплатить за победу?

Фредрик Бакман

Медвежий угол

© 2016, Fredrik Backman

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление

* * *

Бьорнстад – выдуманный город. Все персонажи и события вымышлены, а совпадения случайны.

Моей бабушке Саге Бакман, которая привила мне любовь к спорту. Жизнь без него была бы ужасно скучной. Надеюсь, в баре на небесах подают хороший сухой мартини, а Уимблдон всегда показывают на большом экране.

Мне тебя не хватает

Неде Шафти-Бакман, моему самому веселому и умному другу. За то, что помогаешь мне воспарить, когда я в этом нуждаюсь, и удерживаешь на земле, когда я этого заслуживаю. Ашегетам

1

Как-то раз вечером в конце марта один подросток взял двустволку, пошел в лес, приставил дуло ко лбу человека и спустил курок.

Перед вами история о том, как мы до этого дошли.

2

Банк-банк-банк-банк-банк.

Сейчас начало марта, ничего еще не случилось. Наступила пятница, все в предвкушении. Завтра в Бьорнстаде команда юниоров играет в решающем матче – молодежном полуфинале страны. Вы скажете, ну и что? Кому ну и что, а кому ничего важнее на свете нет. Если вы, конечно, живете в Бьорнстаде.

Банк. Банк. Банк-банк-банк.

Город, как всегда, просыпается рано. Что поделаешь, маленьким городкам приходится давать себе фору, надо как-то выживать в этом мире. Ровные ряды автомобилей на фабричной парковке уже успели покрыться снегом, а вереницы людей клюют носом и молча ждут своей очереди к электронному контролеру, чтобы зафиксировать факт своего присутствия при полном его отсутствии. На автопилоте они отряхивают с ботинок налипшую грязь и переговариваются голосами автоответчиков в ожидании, пока кофеин, никотин или сахар доберутся до цели и обеспечат их сонным телам нормальную жизнедеятельность до первого перерыва на кофе.

Электрички отправляются с вокзала к большим населенным пунктам по ту сторону леса, заиндевелые варежки стучат по обогревателю, а ругательства звучат такие, которые обычно позволяют себе лишь в доску пьяные, умирающие либо сидящие ранним утром за рулем насквозь промерзшего «пежо».

Если замолчать и прислушаться, можно услышать: «Банк-банк-банк. Банк. Банк».

Проснувшись, Мая обвела взглядом свою комнату: на стенах вперемежку висят карандашные рисунки и билеты с концертов в больших городах, на которых она когда-то побывала: их не так много, как ей бы хотелось, но гораздо больше, чем позволяли родители. Мая еще лежала в кровати в пижаме, перебирая струны гитары. Она обожает свою гитару! Ей нравится чувствовать, как инструмент давит на тело, как отзывается дерево, когда она постукивает по корпусу, как струны впиваются в отекающие после сна подушечки пальцев. Простые аккорды, нежные переходы – чистое наслаждение. Мае пятнадцать лет, она часто влюблялась, но первой ее любовью была гитара. Она помогла ей, дочери

спортивного директора хоккейного клуба, выжить в этом городе, окруженном лесной чащей.

Мая ненавидит хоккей, но понимает отца. Спорт – это такой же инструмент, как гитара. Мама любит шептать ей на ухо: «Никогда не доверяй человеку, в чьей жизни нет того, что он любит без оглядки». Мама любит мужчину, сердце которого отдано городку, где все помешаны на спорте. Главное для этого города – хоккей, и, что бы там ни говорили, Бьорнстад – место надежное. Всегда знаешь, чего от него ждать. День за днем одно и то же.

Банк.

Бьорнстад расположен ни с чем не рядом и даже на карте выглядит неестественно. Как будто пьяный великан вышел пописать на снег и вывел на нем свое имя, скажут одни. Как будто природа и люди занимались перетягиванием жизненного пространства, скажут другие, более уравновешенные. Как бы то ни было, город пока проигрывает, выигрывать хоть в чем-то ему вообще давненько не приходилось. Работы все меньше, людей тоже, и каждый год лес съедает один-другой брошенный дом. В те времена, когда городу еще было чем похвастаться, местные власти повесили на въезде баннер со слоганом в популярной тогда манере: «Добро пожаловать в Бьорнстад! Нас ждут новые победы!» Однако за несколько лет трепки ветром и снегом баннер лишилась слога «по». Иногда Бьорнстад казался результатом философского эксперимента: что будет, если в лесу рухнет целый город, но никто этого не заметит?

Чтобы ответить на этот вопрос, пройдем сотню метров по направлению к озеру. Перед нами не бог весть что, но тем не менее это местный ледовый дворец, построенный фабричными рабочими, чьи потомки в четвертом поколении бродят сегодня по Бьорнстаду. Да-да, речь о тех самых фабричных рабочих, которые работали шесть дней в неделю, но хотели, чтобы было чего предвкушать в день седьмой. Оно сидело в генах; всю любовь, которую потихоньку размораживал город, он по-прежнему вкладывал в игру: лед и борт, красные и синие линии, клюшки, шайба – и каждая унция воли и силы в юношеском теле, устремленная на полной скорости за ней в погоню. Год за годом одно и то же: каждые выходные трибуны полны народа, хотя спортивные достижения падают

пропорционально падению городской экономики. Возможно, именно поэтому все надеются, что, когда дела местного клуба снова пойдут на лад, остальное подтянется само собой.

Вот почему небольшие городки вроде Бьорнстада всегда возлагают надежды на детей и подростков – ведь те не помнят, что раньше жизнь была лучше. Иногда это дает преимущество. Команда юниоров собиралась по тому же принципу, по какому старшее поколение строило свой городок: работай как вол; терпи пинки и зуботычины; не ной; заткнись и покажи этим столичным чертям, кто мы такие.

Смотреть в Бьорнстаде особо не на что, но все, кто здесь побывал, знают, что это оплот шведского хоккея.

Банк.

Амату скоро исполнится шестнадцать. Его комнатка настолько мала, что в районе побогаче, где квартиры побольше, ее бы и для сортира сочли слишком тесной. Стены сплошь обклеены постерами с игроками НХЛ, так что не видно обоев; правда, имеются два исключения. Одно – фотография Амата в возрасте семи лет в сползающем на лоб шлеме и крагах, которые явно ему велики. Из всей команды он самый маленький. Второе – лист бумаги, на котором мама написала обрывки молитвы. Когда Аमत появился на свет, мама лежала с ним на узкой кровати в маленькой больнице на другом конце земного шара, и не было у нее больше никого на всем белом свете. Медсестра прошептала эту молитву ей на ухо. Говорят, мать Тереза написала ее на стене у себя над кроватью, и медсестра надеялась, что эта молитва даст одинокой женщине надежду и силу. Скоро уже шестнадцать лет, как этот листок с молитвой висит на стене в комнате ее сына – слова немного перепутались, ведь она записала по памяти, что смогла:

«Честного могут предать. И все равно будь честным. Доброго могут оговорить. И все равно будь добрым. Все хорошее, что ты сделал сегодня, завтра могут забыть. И все же делай добро».

Каждую ночь Аамат ставит коньки возле кровати. «Бедная твоя мать, ты небось в коньках и родился», – частенько повторяет с усмешкой старенький вахтер в ледовом дворце. Он предлагал Аамату оставлять коньки в шкафчике на складе, но мальчик предпочитал носить их с собой. Не хотел с ними расставаться.

Во всех командах Аамат всегда оказывался ниже всех ростом, ему не хватало ни крепости мышц, ни силы броска. Зато никто не мог его поймать: в скорости равных ему не было. Аамат не умел объяснить этого словами, тут как с музыкой, думал он: одни, глядя на скрипку, видят деревянные и винтики, а другие слышат мелодию. Коньки он ощущал как часть себя и, переобувшись в обычные ботинки, чувствовал себя, будто моряк, ступивший на сушу.

Листок на стене заканчивался такими строчками:

«Все, что ты построишь, другие могут разрушить. И все же построй. Потому что в конечном счете отвечать перед Богом будут не другие, а ты».

А чуть ниже решительная рука второклассника вывела красным мелком:

«НУ И ПУСТЬ ГОВАРЯТ, ШТО ДЛЯ ИГРЫ Я НЕ ВЫШЫЛ РОСТОМ. ВСЕРАВНО СТАНУ КРУТЫМ ИГРАКОМ!»

Банк.

Когда-то хоккейная команда Бьорнстада занимала второе место в высшей лиге. С тех пор прошло лет двадцать, а состав высшей лиги успел трижды поменяться, зато завтра Бьорнстаду предстоит вновь помериться силами с лучшими. Так уж ли важен матч юниоров? Какое дело городу до каких-то полуфиналов в молодежной серии? Разумеется, никакого. Если только речь не идет о вышеназванном корявом пятне на карте.

В паре сотен метров к югу от дорожных указателей начинается район под названием Холм. Там расположен кластер эксклюзивных коттеджей с видом на озеро. Здесь живут владельцы супермаркетов, руководство фабрики или те, кто мотается в большие города за лучшей работой, где их коллеги на корпоративах,

округлив глаза, спрашивают: «Бьорнстад? Как можно жить в такой глухомани?» В ответ им, разумеется, бормочут нечто невразумительное об охоте, рыбной ловле и близости к природе, думая про себя, что жить там и правда можно вряд ли. По крайней мере, в последнее время. Кроме недвижимости, цена на которую падает пропорционально температуре воздуха, там уже ничего не осталось.

Они просыпаются от звонкого «БАНК!». И улыбаются, лежа в постели.

3

За десять лет соседи уже привыкли к звукам, которые доносились из сада семейства Эрдаль: банк-банк-банк-банк-банк. Далее короткая пауза, пока Кевин собирает шайбы. Потом опять: банк-банк-банк-банк-банк. Впервые он встал на коньки, когда ему было два с половиной года; в три он получил в подарок свою первую клюшку; в четыре мог обыграть пятилетку, а в пять превзошел семилетних соперников. В ту зиму, когда ему исполнилось семь, он так обморозил лицо, что на скулах, если присмотреться, до сих пор можно различить маленькие белые шрамы. Тем вечером он впервые участвовал в настоящем матче, и в последние секунды игры не забил гол в пустые ворота. Детская команда Бьорнстада победила со счетом 12:0, все голы забил Кевин, и все же он был безутешен. Поздно вечером родители обнаружили, что ребенка в постели нет, и в полночь весь город цепочками прочесывал лес. Бьорнстад – неподходящее место для игры в прятки: стоит ребенку отойти на пару шагов, как его поглощает темнота, а при температуре минус тридцать маленькое тельце замерзает мгновенно. Кевина обнаружили лишь на рассвете – причем не в лесу, а на льду озера. Он притащил туда ворота, пять шайб и все карманные фонарики, которые удалось найти дома. Всю ночь напролет он забивал шайбу в ворота с того угла, под каким не смог забить в последние секунды матча. Когда его вели домой, он отчаянно рыдал. Белые отметины на лице остались на всю жизнь. Ему было всего семь, но все уже знали, что внутри у него живет настоящий медведь, сдержать которого невозможно.

Родители Кевина оплатили постройку небольшого катка у себя в саду, за которым он ухаживал каждое утро, а летом соседи откапывали у себя на грядках целые кладбища шайб. Потомки веками будут находить в здешних

садах частицы вулканизированной резины.

Год за годом соседи слышали, как мальчик растет, а тело крепчает: удары становились чаще и жестче. Теперь ему семнадцать, и не было в городе лучшего игрока с тех времен, как команда Бьорнстада попала в высшую лигу еще до его рождения. Все у него было на месте: мускулы, руки, сердце и голова. Но самое главное – он видел ситуацию на площадке так, как никто другой. В хоккее многому можно научиться, но умение видеть площадку – это врожденное. «Кевин? Золотой парень!» – говорил спортивный директор клуба Петер Андерсон, и он знал, что если в Бьорнстаде когда-то и был талант такого масштаба, то этим талантом был он сам: Петер прошел весь путь до Канады и НХЛ и играл против сильнейших игроков мира.

Кевин знает, что нужно в этом деле, этому его научили, когда он впервые ступил на лед. Нужен ты весь. Хоккей возьмет тебя без остатка. Каждое утро на рассвете, пока твои школьные товарищи видят десятый сон под теплыми одеялами, Кевин бежит в лес, и начинается банк-банк-банк-банк-банк. Затем он собирает шайбы. И повторяется банк-банк-банк-банк-банк. И снова он собирает шайбы. И каждый вечер непременно тренировка с лучшей командой, а затем упражнения и новый раунд в лесу, а потом заключительная тренировка во дворе при свете прожекторов, специально установленных на крыше виллы.

Банк-банк-банк-банк-банк. Вот и все, что нужно хоккею. Всего лишь ты весь, без остатка.

Кевину делали предложения крупные хоккейные клубы, его приглашала спортивная гимназия в большом городе, но он последовательно говорил «нет». Он простой парень из Бьорнстада, как и его отец. Возможно, в других местах это пустой звук, – но не в Бьорнстаде.

Так вот, насколько вообще важен какой-то полуфинал юниоров? Ровно настолько, чтобы лучшая команда юниоров напомнила стране о существовании городка, откуда они родом. Ровно настолько, чтобы региональные политики выделили деньги на постройку собственной спортивной гимназии здесь, а не в каком-нибудь Хеде, а самые талантливые ребята из окрестностей захотели переехать в Бьорнстад, а не в крупные города. Лучшая местная команда не

подкачает и снова прорвется в высшую лигу и привлечет крутых спонсоров, коммуна построит новый ледовый дворец, проложит к нему широкие трассы, а может быть, даже возведет конференц- и торговый центры, о которых толкуют уже не первый год, откроются новые предприятия, появится больше рабочих мест, жители захотят отремонтировать свои дома, вместо того чтобы их продавать. Все это важно для экономики. Для чувства собственного достоинства. Для выживания.

Настолько важно, что семнадцатилетний парень так и стоит у себя во дворе, – с тех пор, как обморозил лицо ночью десять лет тому назад, – и забивает шайбы одну за другой, и держит на своих плечах весь городок.

Вот что это значит. И точка.

На север от указателей лежит так называемая Низина. Если центр Бьорнстада занимают коттеджи и небольшие виллы, расположенные по нисходящей линии пропорционально расслоению среднего класса, то Низина застроена доходными домами, находящимися так далеко от Холма, как это только возможно. Безыскусные названия Холм и Низина изначально сложились как топографические обозначения: Низина в самом деле лежит ниже, чем основная часть города, она начинается там, где местность спускается к гравийному карьеру, а Холм возвышается над озером. Но когда со временем местные жители стали селиться в Низине или на Холме в зависимости от уровня благосостояния, названия превратились из обычных топонимов в классовые маркеры. Даже в мелких городках дети мгновенно усваивают, что такое социальный статус: чем дальше ты живешь от Низины, тем лучше для тебя.

Двушка Фатимы находится на самой окраине Низины. Мягким силовым приемом она вытаскивает из кровати своего сына, и тот хватается за коньки. Кроме них в автобусе никого, они молча сидят на своих местах – Аамат научился транспортировать свое тело на автопилоте, не включая сознание. В такие минуты Фатима ласково зовет его мумией. Они приходят в ледовый дворец, и Фатима надевает форму уборщицы, а Аамат отправляется искать вахтера. Но первым делом он помогает матери убрать мусор с трибун, пока та не прогоняет его. Парень беспокоится за ее спину, а мать переживает, что мальчика увидят с ней вместе и будут дразнить. Сколько Аамат себя помнил, они с матерью были

одни-одинешеньки в целом мире. Еще малышом он собирал на этих самых трибунах пустые банки из-под газировки в конце месяца; иногда он по-прежнему это делает.

Каждое утро он помогает вахтеру – отпирает двери, проверяет лампы дневного света, собирает шайбы, запускает ледовый комбайн – словом, готовит площадку к началу рабочего дня. Сначала, в самое неудобное время, приходят конькобежцы. Затем все хоккеисты, один за другим, в порядке убывания ранга: самое удобное время предназначено юниорам и основной, взрослой команде. Юниоры стали такими крутыми, что занимают в иерархии почти верхнее место.

Амат пока туда не попал, ему только пятнадцать, но может, попадет в следующем сезоне. Если сделает все, как надо. Настанет день, когда он заберет отсюда мать, он это точно знает; он перестанет постоянно складывать и вычитать в уме доходы и расходы. Есть четкая разница между детьми, живущими в семьях, где деньги могут закончиться и где деньги не кончаются никогда. Кроме того, немаловажно, в каком возрасте ты это понимаешь.

Амат знает, что выбор у него ограничен, поэтому план его простой: попасть в команду юниоров, оттуда в молодежку, а потом в команду профи. Как только на его счете окажется первая в жизни зарплата, он отберет у матери тележку с уборочным инвентарем, и больше она ее не увидит. Ее натруженные руки будут отдыхать, а больная спина – нежиться по утрам в кровати. Ему не нужно новое барахло. Он всего лишь хочет однажды вечером лечь в постель, не думая про гроши.

Когда все дела были закончены, вахтер похлопал Амата по плечу и протянул ему коньки. Амат зашнуровал их, взял клюшку и выехал на пустую площадку. В его обязанности входит помогать вахтеру, если надо поднять что-то тяжелое, а также открывать тугие дверцы бортика, которые не по силам старику из-за ревматизма. После этого Амат полирует лед и получает площадку в свое распоряжение на целый час, пока не придут конькобежцы. И это лучшие шестьдесят минут каждого его дня.

Он надел наушники, поставил звук на полную громкость и полетел со всех ног в другой конец площадки – так что шлем ударился о борт. Затем на полной скорости помчался обратно. И так снова и снова.

Фатима на мгновение оторвалась от уборки и посмотрела на сына. Вахтер, встретившись с ней взглядом, угадал по губам беззвучное «спасибо». И кивнул, пряча улыбку. Фатима вспомнила свое замешательство, когда тренеры хоккейного клуба первый раз сказали ей, что Аамат исключительно одаренный ребенок. Она тогда еще не особо понимала по-шведски, и для нее было чудом то, что Аамат стал кататься на коньках почти сразу, как научился ходить. Годы шли, она так и не привыкла к вечному холоду, но научилась любить город таким, каков он есть. И все же никогда в жизни не видела она ничего более странного, чем мальчик, рожденный играть на льду, которого она произвела на свет в краю, где никогда не видели снега.

На одной из небольших вилл в центре поселка из душа вышел запыхавшийся и с покрасневшими глазами спортивный директор хоккейного клуба Бьорнстада Петер Андерсон. Этой ночью он глаз не сомкнул, и потоки воды не смогли смыть нервного напряжения. Его дважды вырвало. Петер слышал, как Мира хлопчет в коридоре возле ванной, как идет будить детей, и он в точности знал, что она скажет: «Господи, Петер, тебе уже за сорок! Если тренер нервничает за предстоящий юниорский матч больше, чем сами юниоры, значит, ему пора принять сабрил, запить его хорошим коктейлем и вообще немного расслабиться». Вот уже десять лет, как семья Андерсон вернулась из Канады домой, в Бьорнстад, но Петер так и не смог объяснить жене, что значит хоккей для этого города. «Ты серьезно? Взрослые мужики, чего вы так близко к сердцу это принимаете! – так повторяла Мира на протяжении всего сезона. – Этим юниорам семнадцать лет! Они еще дети!»

Сначала он ничего не отвечал. Но однажды вечером все-таки высказался: «Да знаю я, Мира, что это всего лишь игра. Все я понимаю. Но мы живем в лесу. У нас ни туризма, ни шахты, ни высоких технологий. Один мрак, холод да безработица. Если в этом городе хоть что-то начнут принимать близко к сердцу, значит, дело пошло на лад. Я понимаю, милая, что это не твой город, но ты посмотри вокруг: рабочих мест все меньше, коммуна затягивает пояс все туже. Мы народ суровый, настоящие медведи, но нам надавали столько пощечин. Этому городу необходимо в чем-нибудь победить. Нам надо один раз почувствовать, что мы хоть в чем-то лучшие. Я понимаю, это только игра. Но только не только... И не всегда».

Мира крепко поцеловала его в лоб, прижалась и, улыбнувшись, нежно прошептала ему на ухо: «Идиот!» Так и есть, он и без нее это знает.

Он вышел из ванной и постучал в дверь своей пятнадцатилетней дочери, пока оттуда не раздались звуки гитары. Дочь любит свой инструмент, а не спорт. Бывали дни, когда он из-за этого очень расстраивался, но случались и другие дни, когда он только радовался за нее.

Мая лежала в кровати. Когда раздался стук в дверь, она заиграла еще громче и услышала, как в коридоре хлопчут родители. Мама с двумя высшими образованиями, которая знает наизусть весь свод законов, но даже на скамье подсудимых не сможет вспомнить, что такое проброс и офсайд. Папа, знающий в тончайших нюансах все хоккейные стратегии, но не способный смотреть сериал, в котором больше трех героев, – каждые пять минут он будет спрашивать: «Что они делают? А это кто? Почему я должен молчать?! Ну вот, теперь я прослушал, что они сказали... можете отмотать назад?»

У Майи это вызывало то смех, то вздохи. Лишь в пятнадцать лет человеку может так нестерпимо хотеться сбежать из дома. Как говорит ее мама, когда холод и мрак вконец истощают терпение и она выпивает три-четыре бокала вина: «В этом городе, Мая, жить нельзя, здесь можно только выживать».

Оба даже не подозревали, насколько верны их слова.

4

Весь путь от раздевалки до кабинета правления для мальчика и мужчины из Бьорнстадского хоккейного клуба проходил под девизом: «Внутри – простор, а дверь на запор». Грубое слово, как и грубый силовой прием, – часть игры, но все, что происходит в клубе, не должно выходить за его пределы. Правило действует как на площадке, так и за ее пределами, потому что благо клуба – это главное.

Еще довольно рано, и ледовый дворец пуст, не считая вахтера, уборщицы и одинокого хоккеиста из детской команды, который раскатывает по площадке

туда-сюда. Однако из кабинета на верхнем этаже рокочут решительные голоса мужчин в пиджаках. На стене висит фотография почти двадцатилетней давности – ее сделали в тот год, когда команда хоккеистов Бьорнстада заняла второе место по стране. Кто-то из мужчин в пиджаках запечатлен на снимке, кто-то нет, но после победы все они решили вернуться в Бьорнстад. Ведь теперь город перестанет прозябать в низших дивизионах, они снова станут хоккейной элитой и потянутся силами с лучшими из лучших.

Генеральный директор клуба сидел за столом. Он был самым потливым человеком во всем городе, потому что жил в постоянном страхе, словно ребенок, который стянул чужое. А в то утро он был напуган как никогда. Директорскую рубашку усыпали крошки, он так неистово жевал бутерброд, что напрашивался вопрос, понимает ли он, в чем вообще смысл приема пищи. Так бывало всегда, когда гендиректор нервничал. Это его кабинет, и тем не менее власти у него здесь меньше, чем у любого из присутствующих.

Для человека со стороны иерархия клуба могла показаться очень простой: правление назначает генерального директора клуба, который, в свою очередь, нанимает спортивного директора, а тот набирает игроков в основную команду и их тренеров. Тренеры формируют команды и не лезут в чужие дела. Но за закрытыми дверями все обстоит иначе, и у генерального всегда есть причины хорошенько вспотеть, вот как сейчас. Генерального директора окружали члены правления и спонсоры, один из них – местный политик, а все вместе – главные инвесторы и крупнейшие работодатели. Здесь они находились, понятное дело, «неофициально». Так они сами выражаются в тех случаях, когда совершенно случайно со всем своим влиянием и деньгами оказываются в одном и том же месте, чтобы выпить по чашечке кофе, причем в такой ранний час, когда местные журналисты еще не проснулись.

Кофеварка хоккейного клуба Бьорнстада нуждалась в чистке больше, чем его гендиректор, так что вряд ли кто-то пришел сюда ради чашечки кофе. У каждого из собравшихся в кабинете были свои амбиции, свои планы на клуб в случае достижения успеха, но в одном сходились все: в кандидатуре на вылет.

Петер родился и вырос в Бьорнстаде, за свою жизнь он перебивал во многих ипостасях: шкетом из школы конькобежцев, многообещающим юниором, самым младшим игроком в основной команде, капитаном команды, сумевшим сделать Бьорнстадский клуб одним из лучших в стране, звездой хоккея, профи НХЛ и,

наконец, героем, вернувшись на родину, чтобы стать спортивным директором.

Но в данный момент Петер был простым смертным, который сонно бродил туда-сюда по прихожей своей маленькой виллы, третий раз натыкаясь лбом на шляпную полку, и бормотал:

– Ради всего святого... кто-нибудь видел ключи от моего «вольво»?

Он в четвертый раз перерыл карманы своих курток. Его двенадцатилетний сын, приближавшийся с другого конца прихожей, едва поравнявшись с ним, привычно отпрыгнул в сторону, не отрывая взгляда от телефона.

– Лео, ты не видел ключей от машины?

– Спроси у мамы.

– А где она?

– Спроси у Маи.

И Лео удалился в ванную комнату. Набрав побольше воздуха, Петер гаркнул:

– ДОРОГАЯ!!!

Никто не ответил. Петер заглянул в свой телефон: четыре неотвеченных сообщения от директора клуба с требованием явиться в офис. Обычно Петер проводит в ледовом дворце около семидесяти-восемидесяти часов в неделю и при этом едва успевает посмотреть тренировки собственного сына. В багажнике у него постоянно лежат клюшки для гольфа, которые он использует раза два за все лето – если повезет. Спортивный менеджмент съедает все время без остатка: подписание контрактов с игроками, телефонные разговоры с агентами, просмотр видео с записью игры новых хоккеистов клуба. Клуб у них маленький, поэтому, когда с основной работой покончено, он помогает вахтеру сменить перегоревшие лампы дневного света, наточить коньки, забронировать автобусные поездки, заказать футболки для матча, далее он выполняет работу транспортного агентства и завхоза, словом, тратит на обеспечение жизнедеятельности ледового дворца столько же времени, сколько на

тренировки команды. И это сжирает все свободное время. В этом смысле с хоккеем все просто: он не может быть частью жизни. Он и есть вся жизнь.

Когда Петер согласился на должность спортивного директора, он всю ночь проговорил по телефону с Суне, который был тренером основной команды Бьорнстада с тех пор, как Петер себя помнит. Суне научил Петера стоять на коньках, он сделал ледовый дворец его вторым домом, пока в первом не было ничего, кроме побоев и пьянства. Он был его наставником и отцом в большей степени, нежели тренером. В определенные моменты жизни этот старик был единственным, на кого Петер мог положиться. «Ты должен стать узлом, – объяснял ему Суне, когда Петер приступил к работе. – Здесь сейчас у каждого своя веревка, и он тянет ее в свою сторону: спонсоры, правление, политики, болельщики, тренеры, игроки и их родители – у каждого своя веревка, за которую они тянут клуб в свою сторону. А ты должен стать узлом».

На следующее утро после этого разговора Петер объяснил Мире суть своей новой работы еще проще: «В Бьорнстаде все горят любовью к хоккею. Моя задача – следить за тем, чтобы никто не сгорел дотла». Мира поцеловала его в лоб и сказала, что он идиот.

– Дорогая!! Ты не видела ключей от моей машины?!! – заорал Петер на весь дом.

Никто не ответил.

Мужчины в пиджаках обсуждали повестку встречи, сухо и деловито, как будто речь шла о перестановке мебели. На старой фотографии, висевшей на стене, Петер Андерсон стоял в центре, он тогда был капитаном команды, а теперь стал спортивным директором клуба. Сказочная история успеха, мужчины в пиджаках прекрасно знали, как важно поддерживать мифы для журналистов и болельщиков. Рядом с Петером на снимке стоит Суне, тренер основной команды, который уговорил его со всей семьей переехать в Канаду, чтобы сделать карьеру. Они вдвоем занимались тренировками молодежи в Бьорнстаде, надеясь когда-нибудь воспитать лучшую команду юниоров в стране. Тогда все над ними смеялись. Теперь все иначе. Завтра команда юниоров играет в полуфинале, а в следующем году Кевин Эрдаль и другие перейдут в основную команду, спонсоры отваят клубу миллион, и воспитание элиты начнется всерьез. Без Петера этого не случилось бы, он всегда был лучшим учеником Суне.

Один из спонсоров раздраженно посмотрел на часы. – Куда он запропастился?

Телефон выскользнул из потной ладони гендиректора.

– Он уже едет. Наверное, отвозил детей в школу.

Спонсор пренебрежительно ухмыльнулся:

– Небось у его адвокатши опять важная встреча. У него здесь вообще работа или хобби?

Член правления покашлял и отчасти в шутку, отчасти всерьез сказал:

– Спортивный директор должен быть сапогом, а не тапком.

Спонсор с ухмылкой подхватил:

– А может, лучше найдем его жену? Туфля на шпильке в роли спортивного директора – неплохой вариант!

Мужчины засмеялись. Эхо разнеслось по кабинету.

В поисках жены Петер зашел на кухню, но вместо нее наткнулся на лучшую подругу дочери Ану. Та готовила смузи. Во всяком случае, ему так показалось, потому что столешница возле раковины была покрыта розовой жижой, которая неумолимо растекалась во всех направлениях, приготовившись завоевать поверхность паркетного пола. Ана сняла наушники.

– Доброе утро! Это не блендер, а черт-те что!

Петер сделал глубокий вдох.

– Привет, Ана. Рано ты сегодня...

– Так я у вас ночевала! – беспечно ответила Ана.

- Опять? Это уже... четвертый день подряд, да?

- Я не считаю.

- Да, я понял. Спасибо. Но, может быть, тебе пора как-нибудь вечером заглянуть домой? Например, сменить одежду или еще что?

- Да ладно, это не проблема. У меня и так вся одежда с собой.

Петер помассировал затылок, пытаясь взглянуть на мир так же радостно, как Ана.

- Это прекрасно... А что твой папа, он по тебе не соскучился?

- Да нет, мы с ним часто болтаем по телефону.

- Да-да, все понятно. Послушай, но у тебя все-таки есть свой дом, может быть, стоит как-нибудь переночевать там?

Запихнув в блендер побольше замороженных фруктов и ягод, Ана удивленно посмотрела на Петера:

- Ну ладно. Хотя это дико неудобно, потому что вещи у меня в основном все равно здесь.

Петер смерил ее долгим взглядом. Ана включила блендер, забыв накрыть его крышкой. Развернувшись, Петер вышел из кухни и с нарастающим отчаянием заорал:

- Дорогая!!!

Мая лежала в кровати, медленно перебирая струны гитары. Звуки мягко ударялись о стены и потолок и одиноко таяли в воздухе, исчезая в небытии. Словно ждали, пока кто-то откликнется. Мая слышала, как на кухне свирепствует Ана, как родители мечутся по коридору – папа, заспанный и

удивленный, как будто каждое утро просыпался в новом незнакомом месте; мама, сосредоточенная и целеустремленная, как радиоуправляемая газонокосилка с перегоревшим фотоэлементом, распознающим препятствия.

Ее зовут Мира, но в Бьорнстаде упорно отказываются выговаривать это имя. В конце концов она сдалась и стала откликаться на Мию. Народ здесь немногословный – похоже, им даже неохота тратить силы на лишние согласные. Поначалу Мира развлекалась тем, что, когда речь заходила о ее муже, переспрашивала: «Пит?» Но те очень серьезно смотрели на нее и в ответ говорили: «Нет, Петер!» Ирония в этих краях, как и все остальное, превращается в лед. Мире оставалось только радоваться, что ее детей зовут самыми оптимальными именами с точки зрения экономии согласных: Лео и Мая, – по крайней мере, у работников загсов мозг не взорвется.

Мира бороздила дом, передвигаясь привычными тропами: одевалась, пила кофе, одновременно совершая поступательные движения в ванную, прихожую и кухню. Она подняла с пола футболку в комнате дочери, одним ловким движением сложила ее и, не прерываясь на вздох, сообщила, что пора отложить гитару и встать.

– Прими душ! Запах такой, как будто здесь был пожар, который тушили «Ред буллом». Через двадцать минут папа подбросит вас в школу.

Мая привычным манером неохотно выкатилась из-под одеяла. Мама у нее не из тех, с кем стоит спорить, потому что мама у нее адвокат, и это по жизни.

– А папа сказал, ты нас отвезешь.

– Папа ошибся. И будь добра, попроси Ану убрать за собой на кухне, когда она закончит готовить свои смузи. Я понимаю, что она твоя лучшая подруга, и я ее очень люблю и не возражаю против того, что она ночует у нас чаще, чем у себя дома, но если она хочет делать смузи у нас на кухне, то ей придется запомнить, что крышку блендера надо закрывать. И кроме того, ты должна научить ее основным правилам работы с половой тряпкой, о'кей?

Прислонив гитару к стене, Мая отправилась в ванную. Повернувшись к матери спиной, она так закатила глаза, что на рентгеновском снимке зрачки можно

было бы принять за почечные камни.

– Хватит тут мне глаза закатывать. Я тебя насквозь вижу, даже из другой комнаты, – прошипела мама.

– Сплошные домыслы и спекуляции, – пробормотала в ответ Мая.

– Я тебе уже говорила, так выражаются только персонажи американских сериалов, – возразила мама.

В ответ дверь в ванную хлопнула чуть сильнее обычного. Издалека слышался вопль Петера: «Дорогая!!!» Тем временем Мира мимоходом сложила еще одну брошенную футболку и услышала, как Ана на кухне выругалась: «Фак!» – и брызги от смузи украсили потолок.

– Господи, на что я трачу свою жизнь? – тихо сказала Мира, обращаясь к невидимому слушателю, и положила в карман ключи от «вольво».

Мужчины в пиджаках продолжали смеяться шутке про шпильку, когда в дверях раздалось неуверенное покашливание. Директор клуба ответил уборщице одобрительным жестом, даже не глядя в ее сторону. Та извинилась перед всеми, но большинство ее не заметило, впрочем, один из мужчин любезно приподнял ноги, когда она потянулась за корзиной для мусора. Уборщица поблагодарила, но никто не обратил на это внимания, а она, в свою очередь, совсем не обиделась, – величайший талант Фатимы состоял в том, чтобы никому не мешать. И только оказавшись в коридоре, она позволила себе схватиться за спину и тихонько застонала от боли. Главное, чтобы никто ее не увидел и не рассказал Амату. Сынок и так слишком о ней беспокоится.

Амат замедлил скольжение возле борта, пот щипал глаза, клюшка лежала на льду, ладони вспотели, и пальцы от влажности скользили в перчатках; воздух со свистом вырывался из легких, мышцы дрожали от напряжения. Трибуна была пуста, но Амат все же поглядывал туда время от времени. Мама всегда говорит, что они должны быть благодарны, и он ее понимает. Она безмерно благодарна всем на свете: стране, городу, людям, коммуне, соседям и работодателю. Надо

всегда говорить спасибо – мамы, они такие. А у детей другие задачи. Детям надо мечтать. И ее сын мечтает о том, чтобы однажды мама могла войти в комнату и ни перед кем не извиняться.

Он сморгнул пот, поправил шлем и устремился вперед, врезаясь коньками в лед. Еще раз. Еще раз. И еще раз.

У Петера в телефоне было четыре пропущенных звонка от генерального директора, он нервно посмотрел на часы и повернулся к Мире, промаршировавшей на кухню. Та с улыбкой пробежалась взглядом по столешнице и полу, перепачканным липкой жижой, – Мира знала, что Петер мысленно вопит на весь дом. У них разные подходы к чистоте: Мира ненавидит, когда вещи разбросаны по полу, а Петер не выносит липких поверхностей. Когда они познакомились, его квартира выглядела так, будто на нее только что совершили налет, оставив нетронутыми только кухню и ванную, – здесь было стерильно, как в операционной. У Миры дома все было в точности до наоборот. Не самое удачное сочетание для людей, собравшихся создать семью.

– Ну наконец-то! Я опаздываю на важную встречу. Ты не видела ключей от «вольво»? – пропыхтел Петер.

Он попытался облачиться в пиджак и галстук, вышло так себе. На Мире все всегда сидело безукоризненно, словно одежда перед нею заискивала. Одним плавным движением она отхлебнула кофе и надела пальто.

– Видела.

Петер так и стоял перед ней – красный, запыхавшийся, с всклокоченными волосами и остатками смузи на носках. Он спросил:

– И где же?

– У меня в кармане.

– Что? Это еще почему?

Поцеловав его в лоб, Мира ответила:

– Хороший вопрос, пупсик. Понимаешь, если человек собирается ехать на работу, то ему могут пригодиться ключи от «вольво». Согласись, будет странно, если адвокат начнет заводить машину воровским способом.

Петер в замешательстве вцепился руками в волосы. – Но... какого... ты ведь собиралась ехать на маленькой машине?

– Вовсе нет, ты собирался отогнать ее в сервис – после того, как подбросишь в школу детей. Мы об этом говорили.

– Мы об этом не говорили!

Петер схватил салфетку и без спроса протер снизу Мирину кофейную чашку. Та улыбнулась.

– Пупсик мой любимый, об этом написано в календаре, который висит на холодильнике.

– Как ты можешь что-то записать в календаре, даже не поговорив со мной?!

Стараясь не терять самообладания, Мира потерла брови.

– Мы говорили. И сейчас говорим. Мы только и делаем, что говорим. А вот слушать никто не...

– Мира, дорогая, но у меня важная встреча! Если я опоздаю...

Мира слишком энергично закивала:

– Конечно-конечно, дорогой. А если я опоздаю на работу, невинный человек может оказаться в тюрьме. Извини, что перебиваю, так что же случится, если ты опоздаешь на свою важную встречу?

Петер старался дышать через нос и держать себя в руках:

- Дорогая, завтра самый крупный матч года.

- Я знаю, любимый. Завтра я тоже сделаю вид, что это очень важно. А сегодня тебе придется довольствоваться тем, что так считает весь город.

На Миру сложно произвести впечатление. Это одновременно привлекало его и выводило из себя. Он попытался найти другие аргументы, но тщетно. Вздохнув на манер актрисы драматического театра, Мира достала из кармана ключи от «вольво» и, положив их на стол, сжала руку в кулак у него перед носом:

- Ладно, давай сыграем в «камень-ножницы-бумага».

Петер покачал головой, стараясь удержаться от смеха.

- Ну что ты как ребенок, тебе сколько лет?

Мира удивленно подняла глаза:

- Ты что, слабак?

Петер мгновенно стал серьезным и, впери в нее взгляд, сжал кулак. Мира досчитала до трех – Петер сделал бумагу, а она, явно задержавшись на полсекунды, сложила пальцы ножницами. Петер возмущенно вскрикнул, но было поздно: Мира уже схватила ключи и двинулась в прихожую.

- Ты сжульничала!

- Милый, умей проигрывать. Дети, пока! Слушайте папу! Хотя бы немного.

Петер заорал ей вслед:

- Только попробуй уйти! Мошенница!

Он посмотрел на календарь, висевший на холодильнике:

- Да здесь же ни слова про...

Входная дверь хлопнула. Слышно было, как во дворе заводится «вольво». Ана со следами смузи вокруг рта стояла посреди кухни.

– Петер, вы хоть раз у нее в чем-нибудь выиграли? Он помассировал виски.

– Будь добра, скажи моему сыну и дочери, чтобы поскорей одевались и садились в машину.

Ана усердно кивнула:

– Конечно! Вот только пол вытру!

Петер умоляюще покачал головой и достал новую упаковку тряпок.

– Нет, Ана, не надо... пожалуйста! Думаю, будет только хуже.

Когда все отсмеялись, один из спонсоров недовольно посмотрел на директора клуба и, постучав по столу, спросил:

– Ну так что? С Петером могут быть проблемы?

Вытерев со лба пот, директор покачал головой.

– Петер всегда делает так, как лучше для клуба. Всегда. Вы же знаете.

Спонсор встал и, застегнув пиджак, допил кофе.

– Вот и хорошо. Мне пора на другую встречу, но я надеюсь, ты объяснишь ему, что стоит на кону. И напомни, откуда берутся деньги ему на зарплату. Мы все знаем, как он привязан к Суне, но нельзя допустить, чтобы в прессу просочилась информация о конфликте.

Ответа директора реплика не предусматривала. Кто, как не Петер, знал правило дверей на запоре? Для него клуб всегда будет на первом месте. Даже сегодня, когда ему предстояло сообщить Суне, что подписан приказ о его увольнении.

5

Почему людям так важен спорт?

Смотря каким людям. И смотря откуда они родом.

Никто в точности не знал возраста Суне – казалось, в последние двадцать лет ему стабильно было около семидесяти, а сам он вряд ли помнил, с каких пор работает тренером основной команды. Годы сделали его ниже ростом, стресс и неправильное питание – толще: фигурой он напоминал теперь снеговика. Сегодня он пришел на работу раньше обычного и стоял на опушке, скрывшись за деревьями, пока группа мужчин в пиджаках не вышла из дверей ледового дворца, не расселась по машинам и не укатила прочь. Не потому, что ему было стыдно, – наоборот, он не хотел, чтобы стыдно было им. Большинство из них он знал на протяжении всей их жизни, многих тренировал еще мальчишками. То, что они собирались поставить на его место тренера команды юниоров, ни для кого не секрет. И просить Суне, чтобы не выносил сор из избы, тоже было незачем: он никогда не пойдет против клуба, он знает, что сейчас на кону нечто большее, чем хоккей.

Бьорнстад – всего лишь малая и бедная часть огромного леса, но несколько богачей там еще есть. Они спасли клуб от банкротства и теперь хотят получить долг обратно: юниоры должны оказаться в элите. Завтра они выиграют полуфинал молодежного чемпионата, а еще через неделю – финал. И когда в следующий раз коммуна будет решать, где открыть новую хоккейную гимназию, они не смогут проигнорировать город, в котором тренируется лучшая юниорская команда страны. С хоккейным клубом были связаны все планы на будущее – вслед за появлением новой гимназии построят новый ледовый дворец, а потом конференц- и торговый центры. Хоккей станет не просто хоккеем, он будет

способствовать развитию туризма, появлению новых брендов и притоку капитала. Город сможет выжить.

Поэтому клуб был не просто клубом, а королевством, за власть в котором сражались сильнейшие мужчины в лесу, и Суне там больше места не осталось. Он окинул взглядом ледовый дворец, которому отдал свою жизнь. У Суне не было ни семьи, ни хобби, ни даже собаки. Скоро он останется без работы, на что и ради чего он будет жить – неизвестно. И все же ему не хочется никого винить – ни гендиректора клуба, ни тренера юниоров, ни тем более Петера. Тот, вероятно, еще ничего не знает, но они потребуют, чтобы он сообщил ему об увольнении: Петер будет держать топор, а потом объясняться с прессой. Потому что все должны быть уверены: в клубе двери на запоре и нет разногласий.

Рано или поздно все спортивные объединения должны для себя решить, какова их цель, и Бьорнстад больше не хочет просто играть в хоккей. Они намерены поставить вместо Суне тренера юниоров по одной простой причине: когда Суне тренирует свою команду накануне матча, он долго рассказывает о том, что играть надо от всего сердца. А когда свою команду готовит к матчу тренер юниоров, он заходит в раздевалку и говорит всего лишь три слова: «Вы должны победить!» И юниоры побеждают. Так было все десять лет.

Только Суне больше не уверен в том, что хоккейный клуб должен состоять только из таких. Из парней, которые никогда не проигрывают.

Небольшой автомобильчик выехал на только что расчищенную от снега дорогу. Мая прижала лоб к стеклу с таким отчаянием, на которое способна лишь пятнадцатилетняя девочка. Где-то немного южнее сейчас весна, а в Бьорнстаде, похоже, есть только два времени года – зима тут настолько в порядке вещей, что, когда наступает лето, все удивляются. За два-три месяца никто не успевает толком привыкнуть к солнечному свету, а в остальное время года с таким же успехом можно жить где-нибудь под землей.

Ана щелкнула пальцами у Маи возле самого уха.

– Совсем сдурела! – вскрикнула Мая и потерла лицо.

- Мне скучно! Давай играть?! - нетерпеливо сказала Ана.

Мая вздохнула, но согласилась. Что поделаешь, любит она эту придурочную, вечно чавкающую своим смузи. К тому же им обеим пятнадцать, а мама все время повторяет: «Таких друзей, как теперь, у тебя больше не будет. Даже если ты продолжишь с ними дружить потом. Все равно будет не то».

- О'кей, тогда скажем так: что ты выбираешь - быть слепой, но уметь бесподобно драться, или быть глухой, но потрясающе...

- Слепой, - перебила ее Мая без колебаний.

Это любимая игра Аны, они играют в нее с самого детства. Так уютнее: есть вещи, из которых не вырастают.

- Ты не дослушала! - возмущается Ана.

- Да плевать мне, что там дальше. Без музыки я жить не смогу, а вот без твоей глупой рожи - вполне.

- Дебилка, - вздохнула Ана.

- Тупая, - ухмыльнулась Мая.

- Ладно, тогда так: что лучше - у тебя в носу всегда будут козявки или у тебя будет парень, у которого вечно козявки?

- У меня.

- Знаешь, это о тебе многое говорит.

- Знаешь, это скорее многое говорит о тебе - надо же придумать такие вопросы.

Ана попыталась пнуть Маю по ноге, но та ловко увернулась и хорошенько двинула подругу в плечо. Ана взвизгнула, и обе захохотали друг над другом. И над самими собой.

Когда тебе пятнадцать, у тебя есть настоящие друзья. Больше таких не будет.

На переднем месте сидел Лео, который за годы своей жизни в совершенстве отточил технику игнора звуковых волн, исходящих от старшей сестры и ее лучшей подруги. Он повернулся к отцу и спросил:

- Ты сегодня придешь ко мне на тренировку?

- Я... постараюсь... зато мама точно придет! - ответил Петер.

- Мама и так всегда приходит, - сказал Лео.

Это ни в коем случае не было обвинением, обычная реплика двенадцатилетнего мальчика. Но Петер все-таки почувствовал себя виноватым. Он так часто посматривал на часы на приборной доске, что в конце концов как следует треснул их, чтобы убедиться: они не остановились.

- Волнуетесь? - спросила Ана таким тоном, от которого хочется запустить в человека чем-то тяжелым, если ты в этот момент действительно волнуешься.

- Спасибо, что беспокоишься за меня. У меня скоро встреча.

- С кем?

- С генеральным директором клуба. Будем обсуждать завтрашний матч.

- Господи, как все достали с этим чертовым матчем! Вы что, не понимаете, это просто дурацкая игра, всем по фигу!

Ана пошутила, она обожает хоккей, но Мая тотчас прошипела:

- Не смей так ему говорить, тем более сегодня!

- Это сводит его с ума, - подтвердил Лео.

- Что? Кого сводит с ума? – всполошился Петер. Мая подалась вперед:

- Знаешь, пап, вовсе не обязательно везти нас до самой школы. Можешь остановиться прямо здесь!

- Да ладно, мне несложно, – ответил Петер.

- Тебе – не сложно, а мне... – простонала Мая.

- Ты о чем? Шутишь, что ли?

Ана пришла на помощь подруге:

- Да!

Лео тоже решил вклиниться в разговор:

- Пап, просто она не хочет, чтобы вас видели вместе, – иначе весь класс будет к ней подходить и спрашивать про хоккей.

- И что здесь такого? Мы живем в городе, где хоккей – это главное! – недоумевал Петер.

- Но это не значит, что на хоккее свет клином сошелся, пап! – рявкнула Мая, тем временем прикидывая в уме, что будет, если она откроет дверцу машины и выскочит на полном ходу. Снег еще достаточно глубокий, вряд ли она что-то себе сломает, кажется, риски оправданы.

- Да что ты такое несешь?! Лео, что она несет?! – возмутился Петер.

- Пап, ты можешь остановиться? Или хотя бы сбавить скорость? Этого будет достаточно, – попросила Мая.

Ана треснула Лео по плечу.

– Слышь, Лео, а если так: что лучше – никогда больше не играть в хоккей или никогда больше не играть в компьютерные игры?

Лео покосился на отца. Смущенно кашлянул. Он принялся отстегивать ремень и взялся за ручку двери. Петер сокрушенно покачал головой:

– Только попробуй ответить, Лео. Лучше тебе помолчать.

Мира удалялась от Бьорнстада, сидя за рулем «вольво». Утром она слышала, как Петера рвет в ванной. Вот что в этом городе делает спорт со взрослыми людьми. А что тогда говорить о семнадцатилетних юниорах, которые завтра участвуют в матче? У бьорнстадских кумушек была в ходу присказка: «Хотелось бы мне, чтобы муж смотрел на меня так, как он смотрит хоккей». Мира никогда над ней не смеялась, потому что слишком хорошо знала, что за этим стоит.

Она знала, что говорят бьорнстадские мужики у нее за спиной. Да, ей далеко до идеальной жены спортивного директора, которую они видели на ее месте, когда брали Петера на работу. Для них клуб – это не просто работодатель, а армия, и солдаты этой армии в любой момент готовы к призыву, а их семьи должны гордо стоять в дверях и махать платочком им вслед. Впервые Мира встретила директора клуба на состязании в гольф, устроенном спонсорами. На приеме перед ужином директор допил шампанское и отдал ей пустой бокал. В мире хоккея так мало женщин, что он просто принял ее за официантку.

Поняв, что ошибся, директор расхохотался, ожидая, что Мира тоже сочтет эту ситуацию забавной. Когда Мира его не поддержала, он вздохнул и поинтересовался: «У вас что, совсем нет чувства юмора?» А узнав, что Мира собирается продолжить свою карьеру одновременно с Петером, он удивленно воскликнул: «А кто же будет заниматься детьми? Они ведь еще грудные?» Мира изо всех сил старалась промолчать. Ну, может, не изо всех, но все же старалась. Но в конце концов она повернулась к директору клуба, многозначительно кивнула на его пальцы, похожие на сардельки и сжимавшие сэндвич с креветками, а потом на его огромный живот, на котором рубашка вот-вот готова была треснуть по швам, и сказала: «Может, у вас получится? У вас и грудь побольше, чем у меня...»

Когда в следующий раз в клубе устроили состязание по гольфу, из приглашений убрали слова «на два лица». Мир мужчин и хоккей стал чуточку больше, а мир женщин немного меньше, и самым красноречивым доказательством Мириной любви к Петеру стало то, что она не поехала тем вечером в ледовый дворец и не дала никому в рожу. Мира навсегда усвоила, что, если живешь в Бьорнстаде, нужно иметь толстую кожу, – это спасает и от холода, и от унижений.

А теперь, по прошествии десяти лет, она обнаружила, что хорошая автомагнитола со стереозвучанием тоже здорово облегчает существование. Она прибавила звук. В динамиках звучал любимый плейлист Майи и Лео – не потому, что Мире нравились эти песни, просто так она чувствовала себя ближе к детям. Пока дети маленькие, ты думаешь, что это пройдет – сердце больше не будет сжиматься от чувства вины каждое утро, когда ты уезжаешь из дома. Но на самом деле это не проходит, становится только хуже. Поэтому в телефоне у Миры хранятся любимые плейлисты Лео и Майи – хиты, которым подпевают ее дети и просят сделать погромче, когда они звучат по радио. Мира выкручивает звук на полную мощность, так что обшивка машины вибрирует от децибел, потому что лесная тишина сводит с ума. В середине дня небо постепенно сгущается и темнеет – и так почти весь год; человеку, выросшему в большом городе, к этому трудно привыкнуть: природа для него – главным образом картинка на заставке компьютера или обои в телефоне.

В Бьорнстаде все, понятное дело, ненавидят большие города, они видят колоссальную несправедливость в том, что все природные ресурсы находятся в лесу, а все деньги утекают оттуда куда-то еще. Иногда кажется, будто местным нравится здешний суровый климат, ведь кто попало тут жить не сможет, и это напоминает им об их выносливости и силе. Первая местная поговорка, которой Петер научил Миру, была такой: «Медведи срут в лесу, остальные срут на Бьорнстад, а Бьорнстад срал на всех!»

К чему-то за годы жизни в Бьорнстаде Мира привыкла, но есть вещи, которые она до сих пор не могла понять. Например, почему в городке, где все ловят рыбу, нет ни одного суши-бара? Или почему люди, живущие в таком суровом климате, который не каждый дикий зверь выдержит, никогда не могут напрямую сказать то, что думают? Молчание в Бьорнстаде всегда идет рука об руку со стыдом. Мира никогда не забудет, как Петер ответил ей на вопрос о том, почему все местные так ненавидят жителей больших городов: «Да там совсем стыд потеряли». Петер всегда думал о том, что скажут люди. Он просто из себя выходил, когда их приглашали в гости и Мира покупала слишком дорогое вино.

Поэтому он отказался переезжать в дорогую виллу на Холме, хотя зарплата Миры вполне это позволяла. Они жили в своем маленьком домике в центре города только из скромности, сколько бы Мира ни соблазняла Петера тем, что в новом особняке будет больше места для его виниловых пластинок.

Прошло десять лет, а Мира так и не научилась жить в согласии с городком, – разве что сосуществовать. Здесь было так тихо, что ей хотелось купить ударную установку и устраивать на улицах карнавальное шествие. Она снова прибавила звук в магнитоле. Забарабанила по рулю. Стала подпевать так яростно, что чуть не съехала в кювет, когда волосы застряли в зеркале заднего вида.

Есть ли ей дело до спорта? Вовсе нет. Ее интересует не спорт, а человек, который им занимается. Она мечтает о том, что однажды наступит лето, когда ее муж сможет посмотреть своему городу прямо в глаза, не опуская взгляда.

Грудь Суне вздымалась и опускалась под тяжестью мощных плеч, когда он направлялся к ледовому дворцу. Впервые в жизни он чувствовал себя на свой возраст: тело стало каким-то бесформенным и дряблым, будто кто-то натянул тренировочный костюм на мешок с монетами. И все же, когда он открыл дверь, на него, как обычно, снизошло умиротворение. Ледовый дворец был единственным местом на земле, которое он по-настоящему понимал и знал. Он попытался вспомнить все, что получил здесь, и не думать о том, что придется отдать. Жизнь, посвященная спорту, – не многие могут этим похвастаться. Было на его веку несколько фантастических моментов, к тому же на его глазах родились два гениальных хоккеиста.

Горлопанам из больших городов никогда не понять, как можно в крошечном хоккейном клубе воспитать настоящий талант. Это все равно что увидеть цветущую вишню в зимнем саду. Можно прождать годы, целую жизнь, и даже не одну, и лишь однажды увидеть такое чудо. Дважды такого случиться не может нигде. Только здесь, в Бьорнстаде.

Первым таким случаем был Петер Андерсон. С тех пор прошло больше сорока лет. Суне, тогда еще работавший тренером основной команды, заметил его среди учеников конькобежной школы. Маленький тощий пацан в перчатках отца-пьянчуги и с синяками по всему телу, которые все замечали, но вопросов

никто не задавал. Хоккей был его единственным прибежищем. И невероятным образом изменил его жизнь. В один прекрасный день пацан стал взрослым мужчиной: он поднял до второго места в стране почти разорившийся клуб, который все уже скинули со счетов, и, продравшись через лес к звездам, ушел в НХЛ. А потом судьба трагическим образом отняла у него всё.

Именно тогда, после похорон, Суне позвонил им с Мирой в Канаду и сказал, что клубу Бьорнстада нужен спортивный директор. Что город и клуб никуда не делись и их надо спасать. А Петеру было необходимо кого-то спасти. Вот так семья Андерсон вернулась домой.

В другой раз это случилось без малого десять лет назад. Суне и Петер откололись от поисковиков, которые цепочкой прочесывали лес, потому что Суне понял, что искать надо хоккеиста, а не просто семилетнего мальчишку, как думали все остальные. Они нашли Кевина на рассвете – с отмороженными щеками и взглядом дикого медвежонка. Петер нес его домой. Суне молча шел рядом, жадно вдыхая воздух: среди зимы слышался аромат цветущей вишни.

Когда в тот же год один молчаливый игрок основной команды решил, что проиграл борьбу с постоянными травмами и собственной бесталанностью, Суне поймал его на парковке. Он различил в нем гениального тренера, тогда как все видели лишь игрока-неудачника. Игрока звали Давид, он прошептал, что тренер из него никудышный, но Суне вручил ему свисток и ответил: «Тот, кто считает себя отличным тренером, никогда им не станет». Первой командой Давида оказались те самые семилетки, среди которых был Кевин. Давид сказал им: «Вы должны победить». Они победили. И так было всегда.

Теперь Кевину исполнилось семнадцать, Давид был тренером команды юниоров, а в следующем сезоне станет и тренером основной команды. Вместе с Петером они как преуспевающая святая Троица: руки на льду, голова на штрафной скамье, мозги в кабинете. И эти замечательные находки приведут Суне к полному краху. Петер вышвырнет его на улицу, Давид займет его место, а Кевин докажет всем, что решение было правильным.

Этот пожилой человек видел будущее. Теперь оно осталось в прошлом. Он открыл дверь в ледовый дворец, и его окружили знакомые звуки.

Почему ему так важен спорт? Потому что без него настанет тишина.

Почему? Амату никогда не задавали этот вопрос. Хоккей делал больно, требовал нечеловеческих жертв – физических, психических, душевных. Хоккей ломал ноги, рвал связки и заставлял подниматься до рассвета. Он съедал все время и высасывал все силы. Так почему же? Потому что однажды в детстве он услышал, что бывших хоккеистов не бывает, и сразу понял, о чем речь. Это случилось, когда Амату было пять лет и он ходил в секцию конькобежцев. К ним пришел тренер основной команды, чтобы поговорить с детьми. Суне уже тогда был грузным пожилым мужчиной, он посмотрел Амату в глаза и сказал: «Кто-то из вас родился с талантом, кто-то без. Кому-то все достается бесплатно, кому-то не достается ничего. Но знай, что на льду все равны. И запомни: воля всегда побеждает удачу».

Ребенка ничего не стоит обольстить, сказав, что если ты достаточно сильно чего-нибудь хочешь и делаешь ради этого все возможное, то ты в своем деле станешь лучшим. А кто, как не Аमत, хотел этого больше всего на свете. Для них с мамой хоккей был дорогой в общество. И даже больше, для него он был дорогой в большой мир.

Тело болело, каждая клеточка умоляла его прекратить. Но он разворачивался, смаргивал пот, крепче сжимал клюшку, впивался коньками в лед. Быстрее, сильнее, снова, снова, снова.

Со временем все явления и предметы переживают себя и перестают удивлять. Так бывает и с людьми, но в первую очередь – с хоккеем. Над ним бились лучшие умы человечества, учебники один другого толще сокрушали до молекул теорию за теорией. Большую часть дней всем кажется, будто уникальных идей больше не осталось, все, что можно, уже придумано, сказано и записано более или менее уверенными в себе тренерами. Но бывают и другие дни, когда на льду происходит откровение, которого словами не передать. Неожиданное. Меняющее все на корню. Подготовиться к такому нельзя: если хочешь посвятить себя хоккею, просто раскройся и поверь себе в тот миг, когда ты это видишь.

Вахтер подошел к трибунам, чтобы закрутить новые гайки на старых перилах. Увидев в дверях Суне, он удивился – никогда тот не приходил так рано.

- Ты сегодня с первыми петухами, - прокудахтал вахтер.

- Перед отбоем самый работун нападает, - устало улыбнувшись, ответил Суне.

Вахтер печально кивнул. Как уже сказано выше, увольнение Суне для всего Бьорнстада было секретом Полишинеля. На полпути к трибуне Суне вдруг остановился. Вахтер удивленно взглянул на него, а Суне кивнул на мальчика, катавшегося на льду. Прищурился - зрение уже теряло остроту.

- Кто это?

- Амат. Из детской команды.

- Что он здесь делает в такую рань?

- Да вот, приходит каждое утро.

Парень тем временем разложил на льду между линиями в качестве разметки свои перчатки, шапку и куртку, на бешеной скорости понесся вперед и, достигнув отметки, резко сменил направление, а потом, не снижая темпа, остановился как вкопанный и словно взорвался. Шайба не отрывалась от клюшки ни на мгновение. Туда и обратно. И так пять раз. Десять. С тем же азартом. Удары по шайбе. И всякий раз она попадала в одно и то же место на сетке. Снова. Снова.

- Каждое утро? Его кто-нибудь наказал? - удивленно пробормотал Суне.

- Просто он обожает хоккей. Ты что, старик, забыл, как это бывает? - прокудахтал в ответ вахтер.

Суне ничего не ответил, лишь буркнул что-то своим часам и продолжил карабкаться по трибуне вверх. Ближе к последнему ряду он снова остановился. Попытался забраться выше, но сердце не позволяло.

Суне заметил Амата еще в конькобежной секции, он помнил всех мальчиков, но этого тогда как следует не разглядел. Хоккей вознаграждает тех, кто не

ленится повторять одно и то же снова и снова. То же упражнение, те же движения – до тех пор, пока реакция не отпечатается раскаленным клеймом у тебя в спинном мозге. Шайба не только скользит, она рикошетит, поэтому ускорение гораздо важнее, чем постоянная максимальная скорость, а сонстроенность глаз и рук важнее, чем сила. Лед оценивает тебя по способности менять траекторию и соображать быстрее других, – это и отличает великих от большинства.

В наши дни хоккей удивляет редко, хотя и такое случается. Причем случается в те моменты, когда мы совсем не готовы и надо просто довериться происходящему. Когда эхо вспарывающих лед коньков донеслось до верхнего ряда трибуны, где стоял Суне, тот недоверчиво вздохнул и бросил через плечо последний взгляд. Он увидел на площадке пятнадцатилетнего мальчика, который развернулся, мягко держа клюшку в руках, затем взял разбег, снова набрал предельную скорость. Это мгновение стало для Суне благословенным, его он запомнит на всю жизнь: в третий раз в Бьорнстаде случилось невероятное.

Вахтер оторвался от своих гаек и увидел, что старик опустился на кресло в верхнем ряду. Поначалу ему показалось, что Суне нехорошо. Но вскоре он понял, что просто никогда не видел, как тот смеется.

Суне жадно втягивал ноздрями воздух, на глазах выступили слезы, аромат цветущей вишни плыл по ледовому дворцу.

Почему людям так важен спорт?

Потому что он рассказывает истории.

6

Амат вышел с площадки, мокрый от пота до последней нитки. Сидевший наверху Суне проводил его взглядом. Парню повезло – он не заметил на трибуне тренера

основной команды, иначе от волнения вписался бы головой в лед.

Амат ушел, а Суне так и остался сидеть. Молодость давно миновала, но только сегодня он прочувствовал это как следует. Две вещи с неизменным успехом напоминают нам о возрасте: дети и спорт. В хоккее ты становишься опытным игроком в двадцать пять лет; в тридцать ты уже ветеран, а в тридцать пять выходишь на пенсию. Суне было в два раза больше. Возраст сделал свою работу: он стал ниже и толще, голову надо было мыть чаще, а причесываться реже, он все больше раздражался на узкие кресла и заедающие молнии на куртках.

Но когда дверь за Амамом закрылась, старик еще раз вдохнул аромат вишни. Пятнадцать лет. Боже мой, какое будущее... Суне было стыдно, что он не заметил этого мальчика раньше. Его талант явно развился так бурно только в последнее время, пока внимание клуба было приковано к команде юниоров, но еще несколько лет назад Суне бы его не просмотрел. Его подвели не только старые глаза. Но и старость сердца.

Суне знал: тренировать парня самому ему уже не приведется, но надеялся, что этот талант не раздавят прежде времени. Не будут его торопить. Он понимал, что, к сожалению, надежды эти пусты: как только мальчика заметят, из него сразу начнут выжимать максимальные результаты. Ради клуба, ради города. Из-за этого Суне годами ругался с правлением, но все впустую.

На развернутую формулировку причины, по которой Суне выгнали из хоккейного клуба Бьорнстада, потребуется не один день. Но вообще-то ее можно высказать в двух словах: «Кевин Эрдаль». Спонсоры, правление и генеральный директор клуба настаивали на том, чтобы Суне позволил семнадцатилетнему вундеркинду играть в основной команде, но тот отказался. В его представлении мальчика делают мужчиной не только гормоны, взрослый хоккей требует не только одаренности, но и зрелости, и слишком ранний шанс сокрушил на его глазах больше талантов, нежели слишком поздний. Но его больше никто не слушал.

Народ в Бьорнстаде не умеет проигрывать и тем гордится. Суне знал, что сам в этом виноват. Кто, как не он, внедрял в голову каждому игроку и тренеру в первый же день их появления в ледовом дворце, что клуб всегда на первом месте. Интересы клуба важнее частных интересов. И теперь это обратилось против него. Он мог бы позволить Кевину играть в основной команде и сохранить за собой место, но ему хотелось уверенности, что он поступил правильно. Впрочем, теперь он уже ни в чем не уверен. Возможно, правление и

спонсоры правы, возможно, он просто старый упрямец, который потерял хватку.

Давид лежал на кухонном полу. Ему было тридцать два года, рыжая шевелюра так буйно кудрявилась на его голове, будто рвалась в небо. В детстве его за это дразнили, одноклассники делали вид, что обожглись о его волосы: так он научился драться. Друзей у него не было, поэтому времени на хоккей оставалось много. Ничто другое его не интересовало: так он стал лучшим.

Давид исступленно отжимался под кухонным столом, пот капал на пол. На столе стоял компьютер, в котором всю ночь крутились записи старых матчей и тренировок. Если ты тренер команды юниоров Бьорнстада, то человек ты простой, как табуретка, но жить с тобой невозможно. «Ты из тех, кто обижается на пустом месте», – говорила девушка Давида, когда злилась на него. Может, это и правда. У него и лицо такое, будто он все время идет против ветра. Давид часто слышал от других, что он слишком серьезный, поэтому хоккей ему в самый раз. В клубе никто не считает, что хоккей можно воспринимать слишком серьезно.

Завтрашний матч был важнейшим не только для юниоров, но и для самого Давида. Будь на его месте тренер с философским взглядом на жизнь, он бы сказал своим подопечным, что впереди последние шестьдесят минут их детства – в этом году большинству из них исполнится восемнадцать, они станут взрослыми хоккеистами. Но Давид совсем не философ, поэтому он, как обычно, скажет им всего лишь три слова: «Вы должны победить».

Его юниоры далеко не лучшие в Швеции, отнюдь. Зато самые дисциплинированные и мастера по части тактики игры. Они играют вместе всю жизнь, и к тому же у них есть Кевин.

Красивой их игру не назовешь, во главу угла Давид ставит усердие и крепкую защиту, но главное для него – результат. Даже правление и родители уговаривают его ослабить хватку и позволить мальчикам «играть веселей». Давид не понимал, что они имеют в виду, ему был знаком только грустный хоккей – такой, когда противник забил больше голов, чем твоя команда. Он никогда ни перед кем не выслуживался, никогда не давал место в команде сыну директора по маркетингу, хотя спонсоры его об этом просили. Давид был абсолютно бескомпромиссным, он знал, что друзей себе этим не прибавить, но

ему было наплевать. Хочешь, чтобы тебя все любили? Просто займи первое место на пьедестале. И Давид делал все, чтобы туда попасть. И поэтому смотрел на свою команду не так, как все остальные: даже если Кевин лучший игрок, ему не обязательно всегда быть главным.

Компьютер на обеденном столе крутил один из предыдущих матчей сезона, игрок команды противника преследует Кевина с явным намерением напасть сзади, но в следующую секунду уже лежит на льду. Над ним стоит игрок команды Бьорнстада под номером шестнадцать, уже без перчаток и шлема. Дальше на лежащего сыплется град ударов.

Кевин, может быть, и звезда, но сердце этой команды – Беньямин Ович. Беньи, он как Давид, – делает все, что от него нужно. С тех пор как он был еще совсем мальчишкой, Давид все время повторял ему: «Не слушай, что о тебе говорят, Беньи. Они любят нас, когда мы выиграем».

Ему семнадцать, и мама будит его рано утром, произнося его имя вслух. Так его называет только она. Беньямин. Остальные зовут Беньи. Беньи лежал в кровати в самой маленькой комнате домика типовой застройки на окраине Низины до тех пор, пока мама не заглянула к нему в третий или четвертый раз. Он поднялся лишь в тот момент, когда услышал в словах матери, которые она произносит на своем родном языке, назидательные нотки – значит, дело приняло серьезный оборот. Мама и три старших сестры Беньи переходят на родной язык лишь в тех случаях, когда их переполняет злость или неизбывная любовь. Что с них возьмешь, с этих шведов, – их язык просто-напросто недостаточно гибкий, чтобы растолковать Беньи, чему конкретно на заднице ленивейшего в мире осла он подобен или что глубина их любви к нему соизмерима разве что с глубиной десяти тысяч золотых колодцев.

Мать караулила его до тех пор, пока он не выехал из дома на велосипеде. Она ненавидит вытаскивать его по утрам из кровати еще до восхода солнца, но знает, что если уедет на работу, не сделав этого, то он так и останется дома. Она мать-одиночка, на ней три дочери, но больше всего на свете ее беспокоит этот семнадцатилетний мальчишка. Он совершенно не думает о будущем и слишком сильно мучается прошлым, – какая мать из-за такого не переживает? Ее сынок Беньямин, в которого влюбляются все девушки городка. Мальчик с самым красивым лицом, самыми грустными глазами и диким сердцем – такого они еще не встречали. Уж мать-то их понимает, от этого одни проблемы, – сама

когда-то влюбилась в такого же.

Давид варил кофе у себя на кухне. Каждое утро он кипятил еще один кофейник, чтобы наполнить термос – кофе в ледовом дворце был отвратительный, и угощать им кого-либо было немыслимо. В компьютере крутился прошлогодний матч, разъяренный защитник преследовал Кевина до тех пор, пока откуда ни возьмись на полной скорости не появился Беньи и не дал защитнику по затылку клюшкой, так что тот влетел головой в скамейку запасных игроков. Добрая половина команды противника устремилась вперед, чтобы отомстить Беньи, а тот уже снял шлем и ждал их с кулаками наготове. Десять минут судьи не могли прекратить драку. А Кевин тем временем преспокойно сидел на скамье запасных своей команды, невозмутимый и невредимый.

Некоторые прощают Беньи его буйный темперамент: у парня было тяжелое детство, отец умер, когда он был еще маленьким. Но только не Давид. Давид его темперамент обожает. Все остальные считают Беньи «сложным ребенком», подразумевая те самые качества, которые делали его сложным за пределами площадки и совершенно неповторимым на льду. Если послать его на другой конец площадки, то пусть даже змеи, тролли и все исчадия ада вместе взятые вознамерятся ему помешать, у них ничего не выйдет: Беньи вернется с шайбой. А если кто-то приблизится к Кевину, то Беньи пройдет сквозь бетонную стену, чтобы встать между ними, – таким вещам не научишь. Все знают, как хорош Кевин, тренеры молодежных команд всех элитных клубов страны пытались его переманить, и это значит, что в каждой команде противника есть как минимум один психопат, который хочет причинить ему вред. Поэтому Давид категорически не приемлет формулировки, что Беньи «на каждом матче дерется». Он не дерется. Он защищает важнейшую инвестицию этого города.

Давид как раз перестал использовать слово «инвестиция» применительно к Кевину в разговоре со своей девушкой, потому что та всякий раз спрашивала: «Ты действительно можешь так называть семнадцатилетнего парня?» Давид давно уяснил, что такие вещи объяснять бесполезно. Человек либо понимает этот аспект хоккея, либо не понимает.

На середине дороги, которая связывает район типовых застроек с остальной частью города, удалившись из поля зрения матери, Беньи остановился и закурил

косяк. Дым наполнил легкие, сладкое спокойствие поднималось и опускалось где-то внутри. Его густые длинные волосы заледенели на ветру, но тело всегда оставалось горячим. Беньи всюду ездил на велосипеде, невзирая на время года. Давид часто хвалил его перед другими игроками за крепкие мускулы ног и умение держать баланс. В ответ Беньи молчал, потому что тренер вряд ли хотел услышать в ответ, что так бывает, если каждый день ездить на велике по глубокому снегу.

Беньи ехал к другу через весь город. Вот фабрика – самый крупный работодатель в Бьорнстаде, где три года подряд идет «оптимизация кадрового состава» – красивый синоним для сокращения штатов. Вот большой супермаркет, который вытеснил из города своих маленьких конкурентов. Улица с магазинчиками в той или иной степени упадка и индустриальный район, где с каждым годом становится все тише. Спортивный магазин, в котором, кроме отделов «Охота» и «Рыбалка», есть еще «Все для хоккея», а больше, считай, ничего и нет. Чуть поодаль расположен бар «Шкура», его завсегда и делают это заведение особенно привлекательным для любопытных туристов, которые хотят получить крепкую фирменную взбучку от местных.

На западе, по дороге к лесу, располагается автосервис, а чуть дальше старшая сестра Беньи держит питомник. Она разводит собак для охоты и охраны жилья. Собаки-компаньоны в Бьорнстаде давно никому не нужны.

Кроме хоккея в этом городке любить особенно нечего, но, с другой стороны, Беньи ничего другого в своей жизни и не любил. Он затянулся поглубже. Парни постоянно предупреждали, что Давид выгонит его из команды, если узнает про траву, но Беньи в ответ лишь смеялся, пребывая в твердой уверенности, что этого не произойдет никогда. Нет-нет, вовсе не потому, что Беньи непревзойденный игрок, отнюдь. А потому, что непревзойденный игрок – Кевин. Он драгоценный камень, а Беньи – его страховая компания.

Суне бросил последний взгляд на своды ледового дворца. На висящие там флаги и майки – в память о мужчинах, о которых скоро некому будет помнить. Рядом болтается потрепанная растяжка со словами, некогда бывшими девизом клуба: «Культура. Равноправие. Солидарность». Суне был среди тех, кто подвешивал эту растяжку, но теперь он уже сомневался, что эти слова имеют какое-то значение. Да и в том, что когда-либо понимал их смысл.

«Культура» – странное слово применительно к спорту. Все о ней говорят, но никто не может объяснить, что имеет в виду. Все клубы обожают рассуждать о том, как они выстраивают культуру, но в конечном итоге пекутся только о культуре определенного рода – культуре победителя. Суне знает, что так происходит во всем мире, но в маленьком городке это чувствуется особенно остро. Мы всегда любим победителей, хотя полюбить их непросто. Как правило, это люди одержимые, эгоистичные и жестокие. Но это неважно. Мы им это прощаем. Мы любим их, когда они побеждают.

Старик поднялся, держась за поясницу, и с тяжелым сердцем двинулся в свой кабинет. Захлопнул за собой дверь. Его личные вещи были собраны в маленькую коробку, задвинутую под стол. Он не собирается устраивать сцен, когда ему сообщат об увольнении, не будет давать интервью журналистам, он просто тихо исчезнет. Так он воспитан, и так он воспитал своих мальчиков. Клуб превыше всего. Интересы клуба на первом месте.

Как эти двое ухитрились стать лучшими друзьями, не знал никто, но разлучить их давно уже не пытались. Беньи позвонил в дверь виллы, размерами превосходившей половину квартала, в котором жил он сам.

Ему открыла мать Кевина. Она вежливо, но устало улыбнулась, не отрывая от уха телефона. Где-то в глубине дома нарезал круги отец Кевина, занятый громогласной дискуссией с собственным телефоном. Стена в прихожей была увешана семейными фотографиями, только на них Беньи видел всех троих членов семейства Эрдаль вместе. В реальной жизни обычно один всегда был на кухне, другой на работе, а третий во дворе. Банк-банк-банк-банк-банк. Дверь закрывается, вежливый голос бормочет в телефон извинения: «Да-да, прошу прощения, это мой сын. Совершенно верно, он у нас хоккеист».

В этом доме никто никогда не повышал голоса, но никогда и не понижал. Казалось, всякие чувства из этих отношений вырезаны раз и навсегда. Кевин одновременно был самым избалованным и неизбалованным ребенком, которого Беньи встречал когда-либо в жизни. Холодильник у них в доме всегда был забит контейнерами с едой, наполненными в соответствии с рекомендованной клубом схемой питания. Раз в три дня эти контейнеры наполнялись на заказ и доставлялись на виллу Эрдалей кейтеринговой компанией. Кухня в этом доме стоила раза в три больше, чем весь дом типовой застройки, в котором жил Беньи, но еду на ней никто не готовил. В комнате Кевина было все, о чем может

мечтать парень в семнадцать лет, хотя с тех пор, как Кевину исполнилось три года, туда не заглядывал никто, кроме уборщицы. Ни одна семья в Бьорнстаде не тратила столько денег на спортивное увлечение своего сына, никто не жертвовал клубу большие суммы, чем предприятие его отца, но вместе с тем, чтобы сосчитать, сколько раз Беньи видел родителей Кевина на трибуне ледового дворца, хватило бы пальцев одной руки, при условии, что два из них остались в токарном станке. Однажды Беньи напрямую спросил об этом у друга. На это Кевин ответил, что его родителям хоккей не интересен. А что же им тогда интересно, спросил Беньи. Кевин ответил: «Успех». Мальчикам тогда было десять лет.

Когда Кевин лучше всех в классе написал контрольную по истории и, придя домой, рассказал отцу, что набрал сорок девять баллов из пятидесяти, тот с отсутствующим видом спросил его, в чем он допустил ошибку. В семействе Эрдаль успех не был целью, он был нормой жизни.

Дома у них все было белым с идеально ровными углами, как в рекламном каталоге ватерпасов. Пока никто не видел, Беньи бесшумно передвинул обувную полку чуть в сторону, на миллиметр перекошил две рамочки с фотографиями на стене, а проходя по гостиной, незаметно провел большим пальцем ноги по ковру против ворса. Возле двери на террасу Беньи увидел, что в окне отражается мама Кевина, как она идет по дому, машинально поправляя обувную полку и рамочки, разглаживая ворс на ковре, но при этом не упускает ни слова из телефонной беседы.

Беньи вышел во двор, взяв с собой кресло, уселся, закрыл глаза, и слушал, как шайба бьется о борт. Кевин сделал небольшой перерыв, ворот футболки стал темным от пота.

– Волнуешься?

Беньи сидел с закрытыми глазами.

– Кев, помнишь, как ты первый раз со мной в лес пошел? Ты тогда еще никогда на охоте не был, ружье держал так, будто оно тебя сейчас укусит.

Кевин вздохнул так глубоко, что половина воздуха, вполне возможно, могла просочиться сквозь другие отверстия.

- Ты можешь вообще хоть к чему-то в этой жизни относиться всерьез, урод?

Широкая ухмылка обнажила ряд зубов, едва заметно отличающихся оттенком цвета. Если послать Беньи в другой конец площадки, он непременно вернется с шайбой, даже если это и будет стоить зуба - его собственного или чьего-то еще.

- Куда серьезнее, ты мне чуть яйца не прострелил!

- Ты что, правда совсем не волнуешься?

- Слушай, Кев, я волнуюсь, когда ты находишься поблизости от моих яиц с заряженным ружьем. А за хоккей я не волнуюсь.

Разговор прервали родители Кевина, прокричав «до свидания!». Папа - таким тоном, будто прощался с официантом, и мама - неуверенным голосом, добавив «мой мальчик». Как будто она действительно пыталась, хотя и безуспешно, сказать эти слова немного иначе, нежели заученную театральную реплику. Входная дверь закрылась, было слышно, как на улицу выехали две машины. Беньи достал из внутреннего кармана новый косяк и прикурил.

- Слушай, Кев, а ты сам-то волнуешься?

- Нет. Нет, нет...

Беньи захохотал - друг никогда не умел ему врать.

- Точно?

- Ладно, Беньи, какого черта! Сейчас обосрись от страха! Ты это хотел услышать?

Глядя на Беньи, можно было подумать, что он уснул.

- Ты сколько сегодня выкурил? - фыркнул Кевин.

- До нормы мне еще далеко, - пробормотал Беньи и свернулся в кресле калачиком, словно устраивался в Бьорнстаде на зимнюю спячку.

- Ты в курсе, что нам через час надо быть в школе?

- Мог бы придумать повод поинтереснее.

- Если Давид узнает, тебя вышвырнут из команды...

- Не-а. Не вышвырнут.

Кевин молча смотрел на него, опершись на клюшку. Есть много причин завидовать лучшему другу, но больше всего Кевину хотелось бы обладать способностью Беньи плевать абсолютно на все и при этом выходить сухим из воды. Кевин покачал головой и засмеялся, махнув рукой:

- Да уж, это точно.

Беньи заснул. Кевин повернулся к воротам, взгляд у него потемнел. Банк, банк, банк, банк, банк.

Снова. Снова. Снова.

На кухне у себя дома Давид, считая вслух, заканчивал отжимания. Затем принял душ, оделся, собрал сумку, взял ключи от машины и отправился в ледовый дворец, чтобы приступить к трудовым обязанностям. Прежде чем выйти из дома, тридцатидвухлетний тренер команды юниоров сделал последнее: поставив чашку с кофе на столик у входной двери, он помчался в ванную комнату, заперся там и включил воду в раковине и ванной на полную мощность, чтобы его девушка не слышала, как его рвет.

«Это всего лишь игра» – такую фразу время от времени слышит любой игрок. И многие принимают ее всерьез. Но достаточно понять единственную вещь, чтобы перестать верить подобной чепухе: без этой игры никто в Бьорнстаде не стал бы тем, кто он есть.

Перед тем как вместе с Беньи отправиться в школу, Кевин всегда идет в туалет. Ходить в школьные он не любит, не потому что брезгует, просто ему там не по себе. На него они наводят какой-то странный, необъяснимый страх. Только дома он может расслабиться по-настоящему – среди стен, выложенных за пределами дорожкой плиткой, и с сантехникой, в равных долях соединившей в себе эксклюзивность и непрактичность. Их тщательно выбирал дизайнер по интерьерам, у которого на выставление счетов времени уходило больше, чем непосредственно на работу. Этот дом был единственным местом в мире, где Кевин мог побыть в одиночестве.

Везде – в ледовом дворце, в школе, по дороге туда и оттуда его окружала стайка друзей и знакомых. Он всегда был в центре, а вокруг силой гравитации удерживались остальные в порядке их умения держаться на льду.

Ближе всего – лучшие игроки, остальные располагались в соответствии с иерархией. С детства Кевин привык оставаться дома один, это считалось само собой разумеющимся, но теперь одиночества за пределами дома он не выносил.

Беньи ждал его на улице. Как всегда. Если б Кевин чуть меньше владел собой, он бы обнял его. Но Кевин не таков. Он лишь коротко кивнул и буркнул себе под нос:

– Пошли.

Мая с такой скоростью удалялась от отцовской машины, что Ане пришлось бежать трусцой, чтобы не отстать. Она достала пластиковый шейкер и, переводя дыхание, сказала:

– Хочешь? Я теперь на диете, только смузи!

Мая замедлила шаг и покачала головой.

- На фиг тебе все время эти диеты? За что ты так ненавидишь свои вкусовые рецепторы? Что они тебе сделали?

- Да ладно тебе, это дико вкусно! Попробуй!

Мая со скептическим видом пригубила из шейкера и тотчас выплюнула.

- Там же комки!

Ана с довольным видом кивнула:

- Это арахисовая паста.

Мая с отвращением ковырнула язык, как будто снимая невидимый волос.

- Знаешь, Ана, тебе пора к врачу. Я серьезно.

Вообще-то школ в Бьорнстаде раньше было больше, ведь и детей тоже было больше. Сейчас осталось только два здания - в одном началка и средняя, в другом старшая школа и гимназия. А обедают все в одной столовой. Теперь Бьорнстад стал гораздо меньше.

Амат бежал по парковке наперегонки с Лифой и Закариасом. Они давно учатся вместе и дружат с начальной школы - не потому, что очень похожи: их объединяет то, что они не похожи на всех остальных. В таких местах, как Бьорнстад, популярные дети рано становятся капитанами, которые набирают свою команду еще на детской площадке. Амат, Лифа и Закариас были из тех, кого не принимали в игру. С тех пор они держатся вместе. Лифа говорит не больше, чем дерево, Закариас - не меньше, чем радио, а Амат просто наслаждается их компанией. Славная команда подобралась.

- ...просто нереально крутой выстрел в голову! Он испугался и пытался скрыться... фак! Амат, ты вообще слышишь, что я говорю?

Закариас, одетый в те же черные джинсы, черную толстовку с капюшоном и черную бейсболку, которые он, казалось, носит с тех пор, как ему исполнилось десять лет, прервал свое выступление, посвященное, судя по всему, его виртуальному сражению в качестве до зубов вооруженного снайпера минувшей ночью, и пихнул Амата в плечо.

- Что?

- Ты вообще меня слышишь?

Амат зевнул.

- Да-да, конечно. Выстрел в голову. Ты крутой. Просто я есть хочу.

- Опять утром тренировался?

- Ага.

- Ты все-таки больной на всю голову.

Амат ухмыльнулся.

- Ты сам-то во сколько лег?

Закариас, пожав плечами, потер виски.

- Часа в четыре. Ну, может, в пять...

Амат кивнул:

- Ты играешь в игры столько же, сколько я тренируюсь, Зак. Посмотрим, кто из нас раньше станет профи.

Закариас собирался что-то возразить, но не успел. Его голова дернулась вперед от удара раскрытой ладонью сзади. Еще до того, как обернуться, Закариас, Лифа и Амат уже знали, что это Бубу. Черная бейсболка полетела на землю под

хохот юниоров, которые внезапно их окружили. Закариасу, Лифе и Амату пятнадцать лет, юниоры всего на два года их старше, но физически уже превосходят настолько, как если бы их разделяло лет десять. Бубу из них самый крупный, широченный, как дверь в хлеву, и до того некрасивый, что крысы пугаются. Проходя мимо, он задел Закариаса плечом, тот споткнулся и упал на колени. Бубу запричитал с наигранным удивлением, юниоры, столпившиеся вокруг, всячески выказывали ему поддержку.

– Классная у тебя борода, Зак. Как прогноз погоды на праздник солнцестояния: местами ливневые дожди! – ухмыляется Бубу. И пока смех не утих, продолжает: – У тебя хоть вокруг пиписьки волосы выросли? Или ты по-прежнему плачешь в душе, когда видишь, что это опять катышки от трусов? Черт побери, Зак! У меня к тебе серьезный вопрос. Я все думаю, как вы решали, кому из вас первому лишиться невинности – тебе, Амату или Лифе, – когда вы впервые переспали втроем?

Юниоры как ни в чем не бывало двинулись дальше и через полминуты забыли об этом маленьком эпизоде, но их недобрый смех еще долго стоял в ушах пятнадцатилетних мальчишек. Помогая Закариусу встать, Аमत увидел его полные молчаливой ненависти глаза. Каждое утро она росла. Аमत боялся, что в один прекрасный день произойдет взрыв.

Человек хочет быть частью команды, этому способствуют разные вещи, и серьезные, и мелочи. Когда Кевин учился в начальной школе, они с отцом поехали на рождественскую ярмарку в Хед. У отца там была встреча, и Кевин бродил по ярмарке, разглядывая гномов и продавцов. В конце концов он заблудился и вернулся к машине на пять минут позже. К этому времени отец уже уехал. Кевину пришлось идти всю дорогу до Бьорнстада одному в темноте. Сугробы на обочине были выше колена, дорога домой заняла у него полночи. Еле держась на ногах, он вошел в дом. Родители спали. Так отец хотел научить его пунктуальности.

Полгода спустя их команда ездил на кубок по хоккею в другой город. Ледовый дворец там был таким огромным, какого мальчишки еще не видали, и по дороге к автобусу Кевин заблудился. Его нашли старшие братья игроков из команды противника, униженных Кевином пару часов назад, затащили в туалет и избили. Кевин никогда не забудет, какое недоумение отразилось в их глазах, когда откуда ни возьмись возник такой же небольшой паренек и набросился на них,

раздавая пинки и удары направо и налево. Беньи и Кевин, в кровоподтеках и в синяках, пришли к автобусу, опоздав на сорок пять минут. Давид стоял и ждал их. Он сказал команде, чтобы ехали без него, он вернется на поезде вместе с Кевином и Беньи, когда те найдутся. Но остальные игроки отказались садиться в автобус. Они пока еще не выучили таблицу умножения, но знали, что команда не стоит ни гроша, если ее игроки не будут друг с другом считаться. Это вещь серьезная, хотя и мелочь. Важно знать, что есть те, кто тебя не оставит.

Кевин и Беньи переступили порог школы вдвоем, и их появление подействовало магнетическим образом: вокруг них мгновенно собрались Бубу и другие юниоры, через десять шагов это уже была группа из двенадцати человек. Кевин и Беньи к такому равнодушны, так бывает, если это происходит на протяжении всей жизни. Трудно сказать, что привлекло внимание Кевина, – за день до матча это мало чему удастся, – но когда он проходил мимо шкафчиков, то встретился с ней взглядом. И споткнулся о Беньи. Тот выругался, но Кевин его не услышал.

Мая положила в шкафчик сумку, а когда собиралась закрыть его, обернулась, встретилась взглядом с Кевином и хлопнула дверцей себе по руке. Все длилось не дольше секунды, коридор заполнился людьми, Кевин исчез в толпе. Но от друзей, которые бывают только в пятнадцать лет, ничего не скроешь.

– О-о-о... с каких это пор тебя интересует хоккей? Мая смущенно терла ушибленную руку.

– Заткнись. Чего пристала...

Немного погодя она не выдержала и улыбнулась:

– Если человек не любит арахисовую пасту, это вовсе не значит, что он не любит... арахис.

Ана взорвалась хохотом, разбрызгивая изо рта смузи по всему шкафчику.

– О'кей, зачет! Только пообещай, что, если будешь говорить с Кевином, познакомишь меня с Беньи! Он такой... ммм... понимаешь, я бы его всего просто слизнула. Как кусочек масла!

Мая болезненно поморщилась и, заперев шкафчик, двинулась прочь. Ана бросилась за ней.

– А что такого? Тебе можно, а мне нельзя?

– Вы в курсе, что он эти шутки не сам придумывает? Не такой он остряк. Он просто ворует их из сети, – процедил Закариас, сконфуженно отряхивая с одежды снег.

Лифа поднял с земли его бейсболку и почистил ее. Аамат похлопал по плечу.

– Знаю, что ты ненавидишь Бубу, но на следующий год мы станем юниорами... будет получше.

Закариас не ответил. Лифа посмотрел на него взглядом, полным отчаяния и злобы. Он бросил хоккей, еще когда они были совсем маленькими, потому что старшие игроки постоянно твердили, что он должен научиться сносить шутки в раздевалке. Этим все сказано, Лифа бросил хоккей из-за тех самых шуток. Если бы родители Закариаса не любили так этот вид спорта, то он и сам бы давно бросил, да и Аамат держался до сих пор только потому, что был превосходным игроком.

– Вот станем юниорами, и все наладится! – повторил Аамат.

Закариас промолчал. Он прекрасно знал, что ему не место в команде юниоров, для него хоккей закончится в этом году. Один только Аамат еще не понял, что скоро оставит лучшего друга позади.

Не обращая внимания на молчание друга, Аамат открыл школьную дверь, завернул за угол, и внезапно кровь застучала в ушах. Когда он видел ее, у него включалось туннельное зрение.

– Привет, Мая! – крикнул он – чуть громче, чем требовалось.

Она на мгновение обернулась и бросила на него беглый взгляд. Когда тебе пятнадцать, то взглядом можно ранить в самое сердце.

- Привет, Аамат, - равнодушно ответила она и скрылась, едва договорив его имя.

А Аамат так и остался стоять, не обращая внимания на глумливые взгляды Закариаса и Лифы, он знал, что они не будут особо напрягаться, чтобы сдержать смех.

- Привееееет, Маяаааа... - передразнил его Закариас, а Лифа захохотал так, что из ноздри на майку брызнула сопля.

- Фак оф, Зак, - пробормотал Аамат.

- Сори, сори, просто ты с первого класса за ней таскаешься, и первые восемь лет я был очень деликатным, поэтому сейчас имею право немного поржать, - сказал Зак.

Аамат подошел к своему шкафчику, сердце в груди было тяжелое, как свинец. Он любил эту девушку больше, чем свои коньки.

8

Это только игра. От нее зависят лишь мелкие, незначительные, незаметные вещи. Например, что тебя признают. Заметят. Незаметные вещи, сущие пустяки, смех, да и только. Просто одного она делает звездой, а остальных оставляет в наблюдателях. Просто наделяет властью и проводит границы.

Просто.

Давид вошел в ледовый дворец и направился напрямик к себе в кабинет - самое крошечное помещение в конце коридора. Закрыв за собой дверь, он включил компьютер и стал изучать видео со вчерашнего матча противника. Потрясающая команда, безупречно отлаженный механизм, если перебрать всех игроков, то только Кевин может с ними сравниться. Чтобы у команды Бьорнстада появился

хоть маленький шанс, им понадобится исключительное вливание, но Давид знает, что шанс этот у них есть: каждый из его игроков жизнь на площадке отдаст, если потребуется. Но Давида мутит не поэтому. Кое-чего им все-таки не хватает. Скорости.

Долгие годы игроками первого звена были Кевин, Беньи и парень по имени Вильям Лит. Кевин – гений, Беньи – воин. Но Вильям Лит очень медленный. Крупный и сильный игрок, который неплохо пасует. В игре с более слабой командой Давид нашел для него несколько тактических решений, чтобы прикрыть его недостатки, но команда, с которой они будут играть завтра, достаточно сильная, чтобы запереть Кевина, если только не найдется кто-то настолько шустрый, чтобы расчистить ему пространство.

Давид потер виски. Посмотрел на свое отражение в мониторе – кудрявая рыжая шевелюра и усталый взгляд. Он встал и пошел в туалет. Его снова вырвало.

В кабинете побольше, через два от Давида, за своим компьютером сидел Суне. Он снова и снова прокручивал то же видео, что и Давид. Было время, когда эти двое видели ситуацию на льду одинаково и во всем были единомышленны. Но прошли годы, Давид повзрослел, и у него появились свои амбиции, а Суне постарел и стал упрямым. Теперь они спорят по любому поводу. Давид – за то, чтобы разрешить драки на льду, «потому что травм будет меньше, если игроки будут знать, что потом их ждет взбучка за грязную игру», а Суне на это возражает: «Это все равно что думать, будто аварий на дороге будет меньше, если запретить страхование, потому что тогда люди будут больше беречь свои автомобили». Когда Давид говорит, что надо увеличить нагрузки, Суне вспоминает про то, что качество важнее количества. Когда Давид говорит: «Вверх», Суне в ответ кричит: «Вниз!» Когда другие спортивные объединения выдвигают предложение не вести счет голам и очкам, а также не делать таблицы успеваемости в детских хоккейных командах до двенадцати лет, Суне находит это «разумным», а Давид называет коммунизмом. Давид хочет, чтобы Суне просто позволил ему делать его работу, а Суне считает, что Давид не понимает, в чем суть его работы. Они превратились в двух солдат, которые окопались так глубоко, что давно уже не видят друг друга.

Суне откинулся на спинку кресла и потер глаза. Он вздохнул, и кресло скрипнуло под его тяжестью. Объяснить бы Давиду, до чего одинок тренер основной команды и какой безмерно тяжелый груз ответственности лежит у

него на плечах. Что надо постоянно быть готовым поднять взгляд, соответствовать, меняться. Но Давид еще слишком молодой и задиристый, он не готов слушать и не хочет ничего понимать.

Суне зажмурился и выругался на самого себя. Кто он такой? Чем он лучше Давида? Одна из самых трудных штук, когда стареешь, – признать ошибки, которые уже слишком поздно исправить. Ведь когда ты обладаешь властью над людскими судьбами, самое страшное – ошибиться.

Суне всегда был противником перевода младших игроков в более взрослые команды. Старик непреложно следовал принципу, что ребенок лучше развивается среди сверстников, и если дать ему шанс раньше, чем полагается, то талант можно загубить. Но сейчас, сидя в одиночестве перед компьютером у себя в кабинете, он смотрел то же самое видео и видел то, что никто, кроме Давида, не понимал: если юниорам не добавить скорости, завтра они пропали.

Теперь даже Суне спрашивал самого себя: чего стоят принципы, если ты не победил?

Бьорнстад – городок достаточно маленький, чтобы почти все его жители друг друга знали, но довольно большой, чтобы среди этих жителей были и такие, кого никто не замечает. Роббану Хольтсу было за сорок; он почесал бороду, в которой уже появились седые волосы, и плотнее запахнул ворот армейской куртки. Когда в это время года с озера дует ветер, кажется, будто лицо тебе царапают призраки. Роббан шел по другой стороне улицы, делая вид, что спешит куда-то по важному делу. И твердил самому себе: никто из прохожих не понимает, что он просто-напросто ждет, когда откроется «Шкура».

Вдалеке виднелась крыша ледового дворца. С тех пор как команда юниоров выиграла четвертьфинал, Роббан, как и все остальные, только и говорил что о завтрашнем матче. Правда, после того как фабрика вышвырнула его и еще девятерых человек, говорить ему стало особо не с кем. Возможно, его истории и раньше мало кого интересовали, но понял он это только сейчас.

Роббан посмотрел на часы. До открытия «Шкуры» еще порядочно. Он сделал вид, что ему нет до этого дела. Перед тем как войти в супермаркет, сунул руки в карманы, чтобы никто не увидел, как они дрожат. Наполнил корзину продуктами, которые были ему не нужны и на которые не было денег, а потом

вдруг прихватил банку слабоалкогольного пива[1 - В Швеции действует государственная монополия на алкоголь, его можно приобрести лишь в специальных магазинах. В супермаркетах продается только слабоалкогольное пиво. - Здесь и далее прим. пер.], будто это был сиюминутный порыв. «А, вы про это? Ну да, пусть будет в холодильнике на всякий случай». Роббан заглянул в скобяную лавку и попросил разрешения сходить в туалет. Там он осушил банку. Выйдя из туалета, как ни в чем не бывало поболтал с продавцом и купил несколько очень необычных шурупов, совершенно необходимых для его несуществующей мебели. Затем двинулся обратно по улице, глядя на крышу ледового дворца. Когда-то он, Роббан Хольтс, был его королем. Когда-то его талант ценили выше, чем сейчас ценят Кевина Эрдаля. Когда-то он был покруче Петера Андерсона.

Петер развернулся на парковке, выехал на дорогу, забарабанил пальцами по рулю. Оставив детей, он снова ощутил собственный пульс. Это просто матч команды юниоров. Всего-навсего матч. Не больше. Он повторял это, как мантру, но волнение только росло. Легкие точно втягивали кислород через глазницы. Хоккей – спорт простой: если воля к победе сильнее, чем страх проиграть, значит, у тебя есть шанс. Тот, кто боится, не выиграет никогда.

Юниоры, думал Петер, еще слишком молоды, чтобы бояться, слишком наивны, чтобы понимать, что стоит на кону. В хоккее нет полутонов: или небеса, или преисподняя. Те, кто сидит на трибуне, видят на льду либо гения, либо бездарность, третьего не дано. Офсайд не вызывает сомнений, либо он есть, либо нет, как и силовой прием – либо сработан чисто, либо заслуживает пожизненной дисквалификации. Когда Петеру было двадцать лет и он, на тот момент капитан команды, вернулся в Бьорнстад, почти выиграв финал высшей лиги страны, отец крикнул ему с кухни: «Почти? Нельзя, черт побери, почти ступить в лодку. Ты или в лодке, или в воде. А когда все остальные барахтаются в воде, то ни одна сволочь не заметит, что ты оказался там в последнюю очередь».

Когда Петер подписал контракт с НХЛ и собирался уехать в Канаду, отец сказал ему, чтобы «не думал, будто он что-то из себя представляет». Возможно, старик не хотел выражаться так резко, просто имел в виду, что для достижения цели нужны смирение и упорный труд. А может быть, алкоголь заточил слова острее, чем было надо. Да и Петер, наверное, не собирался хлопать дверью так громко. Теперь это не имело значения. Молодой хоккеист молча покинул родной город, а

когда вернулся, для слов было уже слишком поздно. Могильному камню в глаза не заглянешь и прощения у него не попросишь.

Петер помнил, как он одиноко бродил по улочкам своего детства, а люди, которых он знал с рождения, смотрели на него как чужие. Как они внезапно замолкали, стоило ему войти. Поначалу он в ужасе смотрел на часы, потому что думал, будто опоздал на встречу. И какое это было облегчение, когда они стали видеть в нем не звезду, а спортивного директора. Клуб продолжал терять рейтинг, и, когда люди стали говорить Петеру прямым текстом, что они о нем думают, он познакомился с той частью себя, которой хотелось, чтобы его все-таки воспринимали как звезду. В хоккее полутонов нет.

Так почему же он тогда не бросил хоккей? Да потому, что никогда не видел другого пути. Многие с трудом вспоминают, за что полюбили эту игру, но для Петера все просто. С самого первого мгновения, когда он оказался на льду, он без памяти полюбил тишину. Вся остальная жизнь за пределами ледового дворца, холод и мрак, больная мать и вечно пьяный отец – все это исчезало и замолкало, когда Петер выходил на лед. В тот первый раз ему было всего четыре года, но хоккеем сразу дал понять, что потребует от него полной сосредоточенности. За это Петер его и любил. И любит по сей день.

Ровесник Петера, который, впрочем, выглядит лет на пятнадцать старше, смотрел, как мимо едет его автомобиль. Он плотнее запахнул ворот армейской куртки и почесал бороду. Когда им было семнадцать, лишь один человек во всем городе считал Петера более одаренным, чем Роббан. «Талант – дело тонкое: если выпустить в воздух два шарика, то дороже будет не тот, который быстрее летит, а тот, у которого веревочка длиннее», – говаривал старикан Суне. И он, ясное дело, оказался прав. Спонсоры и правление заставили его перевести Роббана в основную команду, хотя Суне настаивал на том, что мальчишка для этого еще не созрел. В итоге Роббан пострадал от силового приема, получил травму и заработал страх на весь оставшийся сезон. Он старался поскорее отбить шайбу, лишь бы избежать прямых столкновений. Когда болельщики впервые освистали его, Роббан пришел домой и заплакал. Во второй раз он пришел домой и выпил.

В восемнадцать лет он был хуже, чем в семнадцать, а Петер тем временем стал таким игроком, какого Бьорнстад на своем веку не видал. И когда у него появился шанс попасть в основную команду, он уже был готов. Роббан чувствовал себя на льду все так же неуверенно, а Петера было ничем не

испугать. Он перешел в НХЛ в тот же год, когда Роббан начал работать на фабрике. В хоккее не бывает «почти». Мечты одного сбылись, а другому приходится топтать снег в ожидании, пока откроется бар.

Всего лишь один пролет, пять ступенек вниз. Оттуда не видно крыши ледового дворца.

Суне услышал, как Давид выходит из своего кабинета. Дождавшись, пока хлопнет дверь в туалет, старик написал на желтом клочке бумаги четыре слова. Войдя в кабинет Давида, он приклеил клочок на монитор. Суне не верил в Бога, но в тот момент он обратился ко всем высшим силам, какие знал, моля, чтобы это не стало ошибкой. Чтобы эти четыре слова не разрушили мальчику жизнь.

На секунду ему захотелось дождаться Давида, посмотреть ему в глаза и сказать правду: «Надеюсь, ты никогда не перестанешь ругаться, Давид. Никогда не прекратишь посылать нас к черту. Только так ты сможешь стать лучшим». Но он вернулся в свой кабинет и закрыл дверь. Спорт делает мужчину непростым человеком: слишком гордым, чтобы признать свои ошибки, но достаточно покорным, чтобы ставить клуб на первое место.

Вернувшись из туалета, Давид прочитал четыре слова на желтом клочке бумаги: «Амат. Детская команда. Быстро!!!»

Это просто игра. Она просто меняет жизнь.

Бывают дни, когда мы, взрослые, чувствуем, что колодец наш пересох. Мы перестаем понимать, за что всю жизнь так яростно сражались. Оказавшись заживо погребенными под заботами повседневности, думаем, сколько еще протянем. Удивительно, что протянуть так можно гораздо дольше, чем нам кажется. Ужасно, что мы не знаем, сколько именно.

Пока вся семья спит, Мира ходит по дому и всех пересчитывает. Так делала ее мама, она пересчитывала детей – Миру и ее пятерых братьев и сестер. Мама не понимала, как можно иметь детей и все время их не пересчитывать, как можно не бояться каждую секунду их потерять. «Раз, два, три, четыре, пять, шесть», – Мира слышала, как она ходит по дому и шепчет, а дети лежали с закрытыми глазами, и каждый из них чувствовал себя под надежной защитой, окруженный вниманием и заботой. Это одно из самых прекрасных детских воспоминаний Миры.

Она выехала за пределы крошечного Бьорнстада и, оставив за спиной лес, приблизилась к большому городу. Для нормальной ежедневной поездки на работу это несусветная даль, но Мира ощущает дорогу как одно мгновение, поскольку фактически успевает пересечь всю Вселенную. Этот большой город в океаны раз меньше столицы, в которой она родилась, и все же тут совсем иной мир, чем тот, что остался за лесом. Он больше. В нем есть коллеги – для стимула и споров о литературе, искусстве и политике, есть достойные противники, с которыми интересно сражаться.

Люди часто удивляются, что Мира, которая не понимает хоккея, вышла за хоккеиста, но это не совсем так: не понимает она тренировок. А как раз в матчах видит логику. Адреналин, жажда на грани ужаса ринуться в пропасть, чтобы взлететь или рухнуть в тартарары, – это Мире понятно. Нечто подобное она испытывает в зале суда и комнате для допросов, юриспруденция – та же игра, правила, правда, другие, но все точно так же зависит от того, есть в тебе азарт или нет. Как говорят в Бьорнстаде, сидит ли в тебе медведь.

Возможно, поэтому Мира, которая до девятнадцати лет никогда не жила в городе с населением меньше миллиона, несмотря ни на что смогла построить свою жизнь среди лесного народца. Она понимает их страсть к борьбе и разделяет ее. Она знает, что самое веселое в битве за успех – то, что она не кончается никогда. Одному богу известно, какими силами Мира одолела учебу на юридическом факультете среди детей богатых родителей, которым никогда не приходилось по вечерам мыть посуду в семейном ресторанчике. Ты всегда будешь бояться упасть с вершины, потому что, зажмурившись, по-прежнему чувствуешь напряжение в мышцах и боль от каждого шага по дороге наверх.

Живот у Петера заболел еще до того, как он вошел в кабинет генерального директора. Там царил беспорядок, повсюду старые фотографии и кубки, на столе в углу несколько дорогих бутылок, клюшки для гольфа и приоткрытый шкаф, в котором виднелись запасные костюмы и чистые рубашки. Они явно были нелишними: директор сидел за письменным столом и поедая бутерброд, производя примерно такие же последствия, как если бы овчарка попыталась сожрать воздушный шарик, наполненный майонезом. Петер с трудом удержался, чтобы не вытереть салфеткой стол и самого директора – по крайней мере, последнего он точно не тронул.

– Будь другом, закрой дверь, – чавкая, попросил директор.

Петер глубоко вздохнул, чувствуя, как кишки завязываются узлом. В городе его считают наивным дурачком, не понимающим, к чему все идет. Но он всегда надеялся на лучшее. А теперь перестал. И закрыл дверь.

– Тренером основной команды будет Давид, – сообщил директор голосом ведущего из видеоролика о том, как нарушить все правила дипломатии.

Петер грустно кивнул. Директор стряхнул крошки с галстука.

– Все знают, что вы с Суне очень близки... – сказал он извиняющимся тоном.

Петер промолчал. Директор вытер руки о брюки.

– Ну что с тобой такое, черт побери, можно подумать, я продал твоего щенка китайскому ресторану. Интересы клуба на первом месте!

Петер смотрел в пол. Он один из игроков большой команды, так он себя всегда воспринимал. Основа всего – понимать свою роль и ее границы. Сегодня ему придется повторить это самому себе еще много раз, чтобы разум совладал с сердцем. Именно Суне уговорил его стать спортивным директором, дверь его кабинета всегда была открыта для Петера.

– При всем уважении: вы знаете, что я это решение не одобряю. Думаю, Давид пока не готов, – тихо сказал Петер.

Он не смотрел в глаза шефу, взгляд его блуждал по стенам, как будто что-то искал, хотя на самом деле Петер всегда избегал смотреть в глаза в сомнительных ситуациях. Мира говорит, что в любом мало-мальском конфликте он стреляет по невидимым глиняным голубям. Сообщая продавцу в магазине, что тот недодал ему сдачи, Петер чувствует холодный пот и отчаянное желание забиться в угол и не дышать. За спиной у директора на стене висели дипломы и вымпелы, на одном из них, выцветшем и потрепанном, было написано: «Культура. Равноправие. Солидарность». Петеру хотелось спросить шефа, какова цена этим словам, раз они собираются вышвырнуть из клуба человека, который его построил. Но он промолчал. Директор всплеснул руками.

– Мы знаем, что у Давида жесткий подход, но он дает результаты. Спонсоры сделали крупные инвестиции... Черт побери, Петер, они спасли нас от банкротства! В кои-то веки у нас есть шанс построить что-то новое, используя собственные продукты – а именно юниоров.

Петер поднял взгляд и раздраженно процедил сквозь зубы:

– Мы не производим продукты. Не штампуем гвозди. Мы воспитываем людей. Парни сделаны из плоти и крови, речь идет о не бизнес-плане и прибыли. Работа с детьми – это не фабрика, как бы этого ни хотелось некоторым спонсорам...

На последних словах он прикусил губу. Директор почесал в бороде. Они оба измотаны, и тот и другой. Петер снова уставился в пол.

– Суне считает, что Давид слишком жмет на юниоров. Боюсь даже подумать, что будет, если он окажется прав, – пробормотал Петер.

Директор, улыбнувшись, пожал плечами:

– Знаешь, что бывает с углем, когда на него сильно давят? Он превращается в алмаз.

В семье Андерсон никогда не играют в «монополию» – не потому, что родители не разрешают, а потому что дети отказываются. Когда они играли в последний раз, кончилось тем, что Мира сунула игровое поле в камин, угрожая, что сожжет

его, если Петер сейчас же не признается в жульничестве. Родители были такими азартными игроками, что Мая и Лео просто не хотели с ними тягаться. Лео любил хоккей потому, что ему нравилось быть в команде, но с таким же успехом мог отвечать за снаряжение, а Мая выбрала гитару. В игре на гитаре соревноваться нельзя, даже если очень-очень-очень хочется, – это мама Май уже выясняла. Последнее воспоминание Май о спорте относилось ко временам, когда она в шестилетнем возрасте проиграла в соревнованиях по настольному теннису, потому что ее толкнула другая девочка и Мая упала. Тренеру, который должен был раздавать медали, пришлось запереться в санитарном шкафу, чтобы Мира его не нашла. Мая утешала маму всю дорогу до дома. А потом попросила купить ей гитару.

Никогда в жизни Мира никому не завидовала так сильно, как в тот раз, когда впервые услышала, как Мая в гараже играет Дэвида Боуи, а Петер подыгрывает ей на ударных. В тот момент она обожала и ненавидела Петера за то, что ему хватило любви и чуткости разучить свою партию. Что ему удалось так сблизиться с Маей в ее неспортивном увлечении.

Петер ощущал в груди такую чугунную тяжесть, что не мог подняться со стула. Директор пытался говорить искренне и доверительно:

– Правление хочет, чтобы ты сообщил Суне о нашем решении и дал интервью прессе. Важно, чтобы люди видели: это наше общее решение, которое все разделяют.

Петер потер брови костяшками пальцев.

– Когда?

– Сразу после финала юниоров.

Петер удивленно посмотрел на шефа:

– Ты имеешь в виду завтрашний полуфинал?

Тот невозмутимо покачал головой.

– Если они проиграют полуфинал, Давид не получит эту работу. Правление выберет кого-то еще. Тогда нам, наверное, понадобится еще пара недель.

Мир пошатнулся.

– Ты шутишь? Вы что, хотите вышвырнуть Суне и взять кого-то со стороны?

Голова директора снова качнулась из стороны в сторону. Он открыл пакетик с чипсами и запустил в рот целую пригоршню, а потом стряхнул с пиджака соль.

– Петер, дорогой, не будь таким наивным! Если юниоры выиграют финал, мы привлечем столько внимания, сколько нам и не снилось. Спонсоры, муниципальные власти – все захотят участвовать. Только никаких «почти» правление не признает... посмотри на нас, посмотри на клуб...

Директор снова поспешно всплеснул руками и продолжил говорить, невзирая на потоки сыпавшихся изо рта крошек:

– Давай начистоту, Петер! Ты ведь работаешь сутки напролет не ради «почти», и в спортивные директора тебя взяли не за «почти». Никого не волнует, что парни выложились на все сто, все запомнят только конечный результат. Для основной команды у Давида опыта недостаточно, но если победа будет за нами, то мы на это посмотрим сквозь пальцы. Но если мы не победим... господи... ты знаешь правило жизни: или ты победитель, или ты все остальное.

Генеральный и спортивный директора долго смотрели друг другу в глаза. Больше они ничего не сказали, потому что все и так было ясно. Если Петер не разделяет взгляды правления и спонсоров, то ему тоже найдут замену. На первом месте клуб. Так было всегда.

Каждый из четверых в их семье не был похож на остальных, и хотя Мира больше не напоминала им, что вообще-то Петер сознался в жульничестве, но все же, вспоминая историю с игровым полем для «монополии», она испытывала некоторую... неловкость. С рождения первого ребенка Мира ежесекундно и по любому поводу угрызалась, какая она плохая мать. Ей не хватает понимания, терпения, эрудиции, она дает детям с собой не такие уж вкусные бутерброды,

она хочет от жизни чего-то большего, чем быть только матерью. Мира слышала, как другие женщины вздыхают у нее за спиной: «Господи, ты можешь себе представить, она работает на полную ставку!» И сколько она ни пыталась стряхнуть с себя эти слова, ничего не получалось – они приклеились намертво.

Мире стыдно было в этом себе признаться, но работа стала для нее освобождением, там она чувствовала себя на высоте, чего ей никогда не удавалось в роли матери. Даже в самые лучшие дни, в те прекрасные мгновения отпуска, когда Петер и дети играли на берегу, все хохотали и радовались, Мира чувствовала какую-то фальшь. Как будто она этого не заслужила, как будто показывает остальным искусно отретушированное семейное фото.

Работа выматывала и требовала полной отдачи, но все в ней было понятно и логично. Чего не скажешь о родительских обязанностях. Если на работе все делать правильно, то все пойдет по плану, но если ты все на свете делаешь правильно как мать, то вовсе не факт, что не случится ужасного.

Став спортивным директором, Петер очень быстро усвоил одну неприятную истину: им постоянно недовольны. Человеку, который хочет со всеми ладить, принять это крайне тяжело. Именно Суне тогда сказал ему, что не надо бояться: с его способностью к компромиссу он далеко пойдет, к тому же он умеет слушать и принимает сложные решения головой, а не сердцем.

Возможно, в тот момент Суне не мог предвидеть своего увольнения. Возможно, с годами его взгляды изменились. А может, изменился сам Петер, кто знает. Он вышел из кабинета начальника, закрыл за собой дверь и остался стоять, прижавшись лбом к стене. Он знал правило, правило знали все: либо ты часть клуба, либо все остальное.

Только легче от этого не было. Петер знал, что недовольны окажутся все. Как всегда.

В углу на столе в рабочем кабинете Миры тесным рядком стояли семейные фотографии. На одной из них они с Петером в тот день, когда они только переехали в Канаду по приглашению НХЛ. Только сейчас, поставив на стул портфель, Мира заметила свое усталое отражение в стекле поверх фотографии,

и засмеялась. Господи, какими они были молодыми. Она только что сдала экзамены на юриста и ждала ребенка, а ему предстояло стать суперзвездой. Все было просто, здесь и сейчас, несколько волшебных недель. Отражение в стекле перестало смеяться – она вспомнила, как быстро поблекли улыбки на фото.

Петер сломал ногу на предсезонных тренировках, а когда оправился от травмы, еще долго пытался выбраться из фарм-клуба. Когда у него наконец получилось, он снова сломал ногу. После четырех матчей в НХЛ. Он вернулся в строй лишь два года спустя. На шестой минуте своего пятого матча он упал и остался лежать. Мира закричала. Всю свою жизнь она клялась, что никогда не задвинет свои интересы ради мужчины, и все-таки бросила все и прошла с ним через девять операций, черт знает сколько часов реабилитации, лечебной гимнастики и прочих специалистов. Талант, пот и труд, а в итоге одни только слезы и горечь – сердце Петера хотело гораздо большего, чем то, на что было способно тело. Мира помнит, как врач рассказал ей, что Петер уже никогда не сможет вернуться в элитный хоккей, потому что сказать это Петеру никто не решался.

У них тогда уже родился сын, а на подходе была дочка. Мира уже решила, что назовет ее Мая. Их папа несколько месяцев подряд сидел с ними дома, но словно отсутствовал. Бывших хоккеистов не бывает, их температура никогда уже не снизится до нашей. Это все равно что пытаться адаптировать к мирной жизни солдата, вернувшегося с войны – если не с кем сражаться, он так и будет слоняться без дела. Прежде все дни Петера были расписаны по часам и минутам, вплоть до автобусов и раздевалок. Еда, тренировки и даже сон. Одно из самых страшных слов для таких людей – «повседневность».

Бывали моменты, когда Мира хотела сдаться и думала о разводе. Тогда она вспоминала одну из бумажек с дурацкими девизами, висевшими на стене в детской комнате Петера: «Я отступаю лишь для того, чтобы взять разбег».

Петер остался в коридоре один. Дверь в кабинет Суне оказалась заперта. Впервые за двадцать лет. Никогда Петер не испытывал такой благодарности, как сейчас, – за то, что не надо смотреть в глаза. Он вспоминал о слогане на растяжке в кабинете директора: «Культура. Равноправие. Солидарность». В голове вертелись слова Суне, сказанные целую жизнь тому назад на предсезонной тренировке: «Культура – это не только то, что мы поощряем, но и то, что позволяем». Для Суне-тренера это значило бегать наравне с юниорами, когда он гонял их до рвоты на пробежках по лесу. Для Суне-человека это

правило действовало и за пределами спорта.

Петер налил себе кофе, выпил его, хотя на вкус он был – точно на дне чашки лежаладохлаямышь, остановился у стены в коридоре. Там висела фотография всей команды серебряного сезона, самое яркое воспоминание в истории клуба. Такие фотографии висели повсюду. В среднем ряду рядом с Петером стоял Роббан Хольтс. С тех пор как Петер вернулся в Бьорнстад, они ни разу не разговаривали, но и дня не прошло, чтобы Петер не думал о том, какой была бы его жизнь, поменяйся они когда-то местами. Что, если бы Роббан оказался талантливее его, если бы он поехал в Канаду, а Петер остался в Бьорнстаде работать на фабрике? Тогда бы все сложилось совсем по-другому.

Однажды утром Мира разбудила Петера прежде, чем проснулись дети. Она повела его смотреть, как они спят. «Теперь твоя команда – они», – шептала Мира, снова и снова повторяя одно и то же, пока его слезы не потекли по ее щекам.

В тот год они построили что-то новое. Они остались в Канаде и боролись в каждом углу площадки, куда забрасывала их жизнь. Мира получила место в адвокатском бюро, Петер работал на полставки в страховой компании. Все шло своим чередом, они надежно приземлились, но, когда Мира уже начала планировать будущее, наступили те самые ночи, когда они поняли, что что-то пошло не так.

Все детство мальчикам говорят, что они должны показать, на что способны. Этого будет достаточно, просто выкладывайся по полной. Петер смотрел в глаза своему изображению на снимке – неужели он когда-то был таким молодым? Он встретил Миру в тот вечер, когда они проиграли свой последний матч в столице. То, что они продвинулись так далеко, уже казалось чудом, но Петеру было мало. Он видел в этом матче не просто игру, а шанс провинциалов показать парням из большого города, что не все можно купить за деньги. Столичные газеты тогда пренебрежительно окрестили эту встречу «Рев из тайги», и Петер, впиваясь взглядом по очереди в каждого игрока, кричал: «Пусть у них есть деньги, зато у нас есть хоккей!» Они выложились по полной. Но этого оказалось недостаточно. Вечером вся команда отправилась праздновать серебро. Петер всю ночь просидел в маленьком семейном ресторанчике возле гостиницы. Мира стояла за

барной стойкой. Петер сидел и плакал – не о себе, а потому, что не знал, как смотреть в глаза людям, когда он вернется домой. Он предал их. Это было престранное первое свидание, вспоминая его, он смеялся. Как она тогда сказала? «Ты никогда не пробовал перестать постоянно себя жалеть?» Петер засмеялся и не мог остановиться несколько дней. С тех пор он боготворил ее каждую минуту.

Однажды, долгое время спустя, Мира крепко напилась и стала, как обычно, совершенно неуправляемой, она схватила Петера за уши и потянула так сильно, что они в буквальном смысле слова чуть не оторвались. Он умоляюще склонил голову, коснувшись ее волос, и Мира прошептала: «Идиот мой любимый, ты понимаешь, что именно тогда я в тебя влюбилась? Ты был такой потерянный паренек из глубинки, и я поняла, что человек, который пару часов назад занял второе место по стране и при этом сидит и плачет, потому что боится разочаровать тех, кого любит, будет хорошим мужем. Такой человек будет хорошим отцом. Он сможет защитить своих детей. И никогда не допустит, чтобы с его семьей случилось что-то плохое».

Мира помнит каждую секунду их падения во мрак. Самый страшный кошмар всех родителей – проснуться среди ночи, прислушиваясь к детскому дыханию. Каждую ночь чувствуешь себя полным кретином, когда слышишь, что все, как обычно, – ложная тревога. «Ну что я за человек?!» – думаешь ты. И обещаешь себе расслабиться, ведь ничего плохого никогда не случится. Но уже на следующую ночь лежишь, вытаращив глаза в потолок и поражаешься себе. А потом думаешь: «Ну ладно, в последний раз». Ты крадешься в темноте и ощупываешь ладонями маленький холмик в детской кроватке, чтобы убедиться: он поднимается и опускается, ребенок дышит. Но вот однажды ночью он опускается вниз и больше не поднимается.

И ты падаешь в пропасть. Долгие часы в комнате ожидания при больнице, ночи на полу возле постели сына, утро, когда врач сообщил Петеру то, что никто не решался сказать Мире. Все это время они падали в пропасть. Как бы они смогли жить дальше, если бы у них не было Майи? Как вообще дальше жить?

Мира так радовалась, когда они переехали из Бьорнстада, она и представить не могла, что будет так счастлива вернуться обратно. Но здесь они могли начать все сначала. Петер, Майя и она. Потом появился Лео. Они были счастливы. Счастливы так, как вообще может быть счастлива семья, чье горе не лечится

временем.

Мира по-прежнему не знала, как дальше жить.

Петер дотронулся до стеклянной рамы. От Миры у него всегда дыхание перехватывало, он до сих пор любил ее так, как любят подростки, так что сердце выпрыгивало из груди, как будто воздуха не хватает. Мира ошиблась. Он не сумел защитить свою семью. Каждый день он думал о том, что он должен был сделать и не сделал. Заключить сделку с Богом? Отдать ему свой талант? Пожертвовать успехом? Отдать свою жизнь? Что Бог дал бы ему взамен? Разрешил бы поменяться местами с новорожденным сыном, лежащим в гробу?

Мира по-прежнему ходит ночами по дому и считает детей. Один, два, три.

Двое в кроватях. Третий на небесах.

10

Что бы там ни говорили о Бьорнстаде, но все-таки дух там захватывает. Когда солнце встает над озером, а по утрам так холодно, что кислород хрустит в горле, когда деревья почтительно склоняются ко льду, чтобы детям, которые играют рядом, досталось как можно больше света, удивляешься, как люди живут в городах, где повсюду дома и асфальт. Четырехлетки в Бьорнстаде играют на улице одни, здесь по-прежнему есть люди, которые не запирают входную дверь. После Канады родители Май устроили над ней такую гиперопеку, которая даже в большом городе была бы излишней, а уж в Бьорнстаде и вовсе казалась почти психозом. Странное это дело – расти в тени умершего старшего брата: начинаешь либо бояться всего на свете, либо вообще ничего не бояться. Мая выбрала второе.

После их фирменного тайного рукопожатия в школьном коридоре они с Анной расстались. Анна придумала его, когда они были в первом классе, а Мая сказала, что единственный способ сохранить его в тайне – это делать все так быстро, чтобы никто не смог ничего разглядеть: кулак вверх – кулак вниз – ладонь – ладонь – бабочка – палец крючком – пистолеты – джаз – мини-ракета – взрыв – попа к попе и суперклево. Все названия придумала Анна. Мая до сих пор смеется в конце, когда доходит до поп, Анна поворачивается к ней спиной, поднимает руки, кричит: «Анна суперклевая!» – и убегает.

Но теперь уже не так громко, как раньше, во всяком случае, в школе, когда другие могут увидеть. Она опускает руки, понижает голос, старается не привлекать внимания. В детстве Мая обожала свою подругу, та была не похожа на других девочек, но подростковые годы шлифовали ее, как наждачная бумага. Анна делалась глаже и глаже, меньше и меньше.

Иногда Мае было ее жалко.

Мира посмотрела на часы,хватила из портфеля бумаги,заторопилась на встречу,потом на другую. Она, как обычно опаздывая,забежала обратно в кабинет,уже отставая от расписания. Было одно слово,которое Мира любила,но ненавидела,когда его произносили с бьорнстадским акцентом: «карьеристка». Так ее называли кумушки в Бьорнстаде – кто с восхищением,кто с отвращением, – а вот Петера карьеристом никто не называл. У Миры внутри все сжималось,потому что она знала,что они в это вкладывают. Работа нужна человеку,чтобы содержать семью,а карьера – удел эгоистов. Карьера – это только ради себя. Поэтому Миру одинаково мучила совесть и дома,и на работе.

Везде сплошные компромиссы. В юности Мира мечтала об уголовных делах и громких судебных процессах в больших городах,теперь ее уделом стали договоры,контракты,мировые соглашения,встречи и имейлы,имейлы,имейлы. «У вас для этого слишком высокая квалификация», – сказал шеф,когда она устраивалась на работу. Как будто у нее был выбор. С таким образованием и опытом во многих местах мира она бы зарабатывала шестизначные суммы каждый месяц,но в пределах досягаемости от Бьорнстада эта контора являлась единственным вариантом. Ее услугами пользовались лесопилки и муниципальные власти,работа зачастую казалась монотонной,интересного

было мало, никаких стрессов. Мира вспоминала их жизнь в Канаде, где хоккейные тренеры вечно обсуждали, что им нужен «правильный парень». Чтобы не просто умел играть, но и знал, как вести себя в раздевалке, не создавал проблем, делал свою работу. Играл молча.

Эти мысли прервала коллега, лучшая подруга Миры, ее антибиотик против глобальной скуки.

– Похмелье адское. Во рту вкус такой, как у таксы в заднице. Не помнишь, я вчера ничего не лизала?

– Я с тобой вчера не была, – улыбнулась Мира.

– Правда? Ты уверена? Это было после работы. Точно? Тебя разве не было? Мы вроде выпивали после работы, – пробормотала коллега, плюхаясь в кресло.

Рост у нее почти метр девяносто, и каждый сантиметр она носит с необычайным достоинством. Вместо того чтобы сутулиться перед пугливыми конторскими мужичками, она надевает огненно-красные туфли на высоченных каблуках, острых, словно армейский нож, и тонких, как кубинские сигары. Находка для комикса, она сразу оказывается в центре кабинета. Или тусовки.

– Что делаешь? – поинтересовалась она.

– Работаю. А ты? – с улыбкой спросила Мира.

Коллега помахала одной рукой, а другую приложила ко лбу на манер компресса из холодного полотенца.

– Собираюсь поработать.

– Мне надо разделаться с этим до обеда, – вздохнула Мира над своими бумагами.

Коллега склонилась над ее столом, изучая документы.

– У нормального человека на такое бы месяц ушел. Ты слишком крутая для нашей компании, понимаешь?

Она всегда говорила, что завидует Мириному интеллекту. А Мира завидовала умению коллеги использовать средний палец по назначению. Она кисло улыбнулась.

– Как ты там говоришь?

– Кончай ныть, заткнись и выстави счет, – ухмыльнулась коллега.

– Заткнись и выстави счет! – повторила Мира.

Склонившись над столом, женщины молча ударили друг дружку по ладони.

Учительница стояла у доски, пытаясь утихомирить семнадцатилетних мальчишек. В такие дни она спрашивала себя, зачем ей все это, – вопрос касался не только профессии учителя, но и жизни в Бьорнстаде вообще. Она повысила голос, но парни на задних партах не обратили внимания. Не нарочно, учительница не сомневалась, что они совершенно искренне ее не замечают. Наверняка были в классе и ученики, хотевшие большего, но их теперь не видно и не слышно, они склонились над партами и, прикрыв глаза, мечтали, чтобы хоккейный сезон поскорее закончился.

Одна из простых истин о городах и людях гласит: и те и другие становятся не тем, чем им велят стать, а тем, что о них говорят. Об учительнице всегда говорили, что она для школы слишком молодая. Слишком симпатичная. Дети не будут ее уважать. А мальчики из класса всегда слышали о себе другое. Что они медведи, победители и бессмертные.

Этого требует хоккей. Они нужны ему только такими. Этому учил их тренер, они должны были идти до конца в рукопашной на льду. Никто не думал о том, как эта установка будет работать за пределами раздевалки. Легко переложить вину на учительницу – слишком молодая, слишком красивая, слишком чувствительная, слишком обидчивая. Им слишком трудно ее уважать.

В последней попытке взять ситуацию под контроль учительница обратилась к суперзвезде и капитану команды, который сидел в углу, уткнувшись в свой телефон. Она произнесла его имя. Тот не откликнулся.

– Кевин! – повторила она.

Он поднял бровь:

– Да-да? Чем я могу быть полезен, моя прелесть?

Юниоры как по команде захохотали.

– Ты следишь за тем, что я говорю? Это будет на экзамене, – сказала учительница.

– Я это и так знаю, – ответил Кевин.

Ее доводил до белого каления его тон – никакой провокации и агрессии. Голос равнодушный, как метеосводка.

– Ах, знаешь?

– Я читал учебник. Вы ведь пересказываете то, что там написано. Вашу работу мог бы выполнить мой телефон.

Юниоры заржали так, что стекла в рамах задребезжали, и тогда Бубу, самый крупный и предсказуемый парень во всей школе, всегда готовый пнуть лежачего, решил не упустить свой шанс.

– Спокойно, цыпочка! – хихикнул он.

– Как ты меня назвал? – взревела она, понимая, что именно этого он и добивался.

– Это комплимент. Я люблю цыпленка.

Хохот сотрясал всю школу.

– Садись!

– Я сказал, успокойтесь, цыпочка. Вам надо гордиться.

– Чем?

– Через пару недель будете рассказывать всем встречным, что когда-то учили легендарную команду юниоров, которая взяла золото!

Класс ликовал, кто-то стучал по батарее и топал ногами. Учительница понимала, что повышать голос поздно, она проиграла. Бубу вскочил на стул и стал скандировать, как заправский чирлидер: «Мы медведи! Мы медведи! Мы медведи, медведи из Бьорнстада!» Остальные юниоры повскакивали за ним следом и хором заорали. Когда учительница выходила из класса, они уже разделись по пояс и кричали во всю глотку: «Мы медведи из Бьорнстада!!!» Все, кроме Кевина, который по-прежнему сидел, невозмутимо уткнувшись в телефон, как будто был один в темной комнате.

В кабинете у Миры коллега с отвращением ворочала языком во рту.

– Нет, правда, такое впечатление, что я парик съела. Ты ведь не думаешь, что я флиртовала с тем типом во время отчета? Мне понравился совсем другой. Чем он там занимается? Тот, лохматый, с джинсовой задницей.

Мира засмеялась. Коллега – убежденная холостячка на грани экстремизма. Мира – фанатичная сторонница моногамии. Одинокий волк и мать-наседка, они обречены друг другу завидовать. Коллега пробормотала:

– Ладно. Кого ты выбрала бы из наших? Ну если бы вдруг понадобилось.

– Ты опять за свое?

– Да знаю я, знаю, ты замужем. Но представь, что твой муж умер.

– Ты спятила?

– Господи, да ладно тебе. Он что, заболеть не может? Или, допустим, впасть в кому. С кем бы ты хотела тогда переспать?

- Ни с кем! - гаркнула Мира.

- А если бы от этого зависела судьба человечества? Тот лохматый в тесных джинсах, да? Ну не барсук же, в самом деле!

- Барсук - это кто?

И тут коллега, нельзя не признать, весьма искусно изобразила мужчину, недавно занявшего один из руководящих постов на предприятии и имевшего поразительное сходство с барсуком. Мира захохотала так, что чуть не перевернула чашку с кофе.

- Не издевайся над ним, он милый.

- Коровы тоже милые, но в доме их не держат.

Коллега ненавидела Барсука - ничего личного, чистые факты. Ему дали место начальника, хотя все знали, что оно должно было достаться Мире. Мира старательно избегала эту тему, потому что не могла заставить себя рассказать коллеге правду. Предприятие предлагало Мире эту должность, но она отказалась. Согласись она, это обернулось бы долгими вечерами на службе и постоянными командировками. Она не могла поступить так со своей семьей. И теперь молча сидела, не в силах рассказать об этом коллеге, потому что боялась увидеть ее разочарованный взгляд: упустить такой шанс!

Коллега отгрызла сломанный ноготь и выплюнула в корзину для мусора.

- Ты видела, как он на женщин пялится, барсук этот? Глазенки маленькие, прищуренные, ставлю тысячу крон, что он из тех, кто любит, когда ему засовывают маркер потолще в задни...

- Если что, я РАБОТАЮ! - Мира не дала ей договорить.

- Что? Послушай, это объективное наблюдение. По части маркеров я большой спец, но я, конечно, понимаю, ты у нас вся такая в белом пальто, оплот морали, тебе можно, у тебя муж в коме!

- Да ты еще не протрезвела! - засмеялась Мира.

- А он что, любит такое? Петер в смысле. Как он насчет маркеров?

- НЕТ!

Коллега тотчас виновато затараторила:

- Прости, это болезненная тема, да? Вы из-за этого поругались?

Мира выставила ее из кабинета. Времени на смех не осталось. День у нее расписан, или, по крайней мере, так утром казалось. Но сначала заглянул шеф и спросил, есть ли у нее минутка «пробежаться по договорчику», - это заняло час. Затем позвонил клиент по срочному делу, это заняло еще час. Потом позвонил Лео и сообщил, что тренировку перенесли на полчаса раньше, потому что юниорам понадобилось больше времени, так что Мира должна будет приехать домой сразу после обеда. Позвонила Мая и попросила купить ей по дороге новые струны для гитары. Петер прислал эсэмэс, что придет поздно. После этого снова заглянул шеф и спросил, есть ли у нее минутка для встречи. Минутки не было. Но она согласилась.

Мире хотелось быть правильным парнем. Хотя быть одновременно им и правильной мамой невозможно.

Мая хорошо помнит, как впервые встретила Ану. Они взялись за руки прежде, чем увидели лица друг друга. Мае было шесть лет, она одна каталась на коньках по заледенелому озеру. Родители бы ей никогда этого не позволили, но они были на работе, а няня заснула, сидя на стуле, поэтому Мая взяла коньки и выскользнула за дверь. Возможно, ей хотелось рискнуть, возможно, она не сомневалась, что взрослые всегда рядом и успеют помочь, прежде чем случится что-то плохое, возможно, она, как и все дети, была рождена для приключений. Неожиданно стало смеркаться, Мая не заметила, что лед потемнел. Внезапно он треснул, и Мая провалилась в ледяную воду так быстро, что даже не успела испугаться. У нее не осталось шансов - шестилетний ребенок, ни палок, ни шипов, пальцы окоченели и не могли держаться за край льда: она была уже одной ногой на том свете. Что ни говорите о Бьорнстаде, этот городок может вышибить из вас дух за секунду.

Сначала Мая увидела руку и лишь немного погодя саму Ану. Как шестилетняя девочка могла вытащить из проруби свою ровесницу, которая весила столько же, сколько она сама, да еще и была в мокром комбинезоне, – этого Мае не понять никогда. Но Ана есть Ана. С тех пор они были неразлучны. Ана – дитя природы, охотница и рыбачка, совершенно не понимавшая людей, и Мая – полная ее противоположность.

Когда Мая впервые побывала в гостях у Аны и услышала, как ругаются ее родители, она поняла, что Ана хорошо знает озеро, потому что дома ходит по тонкому льду. С тех пор Ана чаще ночевала у Маи, чем у себя дома. Они придумали свой ритуал прощания, чтобы всегда помнить: подруга, подруга всегда важнее друга! Ана повторяла это как мантру еще до того, как поняла истинный смысл этих слов. При любом удобном случае она уговаривала Маю порыбачить, пойти на охоту или залезть на дерево. Маю, любившую сидеть дома у батареи и перебирать струны гитары, это выводило из себя. Но она безумно любила подругу.

Ана была настоящим вихрем. Шариком о ста гранях в обществе, где все лунки – только круглые. Им было по десять лет, когда Ана научила Маю стрелять из охотничьего ружья. Отец Аны всегда прятал запасной ключ от оружейного сейфа в коробке, которая стояла высоко на другом шкафу в подвале, пропахшем плесенью. Помимо ключа и пары бутылок водки в коробке хранилась куча порножурналов. Мая в ужасе посмотрела на Ану, но та лишь пожала плечами: «Папа не умеет пользоваться интернетом». Они стреляли в лесу, пока не кончились патроны. Тогда Ана, всегда носившая с собой нож, вырезала им мечи, и подруги сражались среди деревьев, пока не стемнело.

И вот Мая смотрела на свою подругу, которая смущенно опустила руки, не осмелившись прокричать «Суперклево!», потому что теперь она больше всего на свете мечтала быть такой же, как все. Мая ненавидела подростковый возраст, наждачную бумагу и круглые лунки. Ей так не хватало ее – девочки, которая играла в рыцарей в лесу.

Люди становятся тем, что о них говорят. Ана всегда слышала, что она одно сплошное недоразумение.

Беньи сидел в кабинете директора. Он сполз со стула настолько, что большая его часть располагалась над полом. Разыгрывался очередной спектакль: сейчас его отругают за то, что он в этом полугодии столько раз опаздывал, хотя на самом деле директору больше хочется поговорить о хоккее. Как и всем остальным. Речь не идет об исключении из школы или дисциплинарных мерах.

Время от времени Беньи вспоминал свою старшую сестру Адри, державшую собачий питомник. Чем ближе юниоры были к чемпионату, тем сильнее Беньи чувствовал свое сходство с собаками: будешь приносить пользу, поводок станет длиннее.

Учительницу стало слышно задолго до того, как она ворвалась в кабинет.

– Эти макаки... эти... я больше не могу!!! – орала она, переступая порог.

– Спокойно, цыпочка, – улыбнулся Беньи, уверенный, что сейчас схлопочет затрещину.

– ПОВТОРИ, ЧТО ТЫ СКАЗАЛ?!! КЛЯНУСЬ, ЕСЛИ Я ЕЩЕ РАЗ ЭТО УСЛЫШУ, ТЫ НЕ БУДЕШЬ ИГРАТЬ В ЭТОМ МАТЧЕ!!! – кричала она, подняв руку.

Директор, громко вскрикнув, вскочил из-за стола, схватил ее за руку и с возмущенным видом вывел из кабинета. Наверное, это правильная реакция – взять человека за руку, но и учительница, и Беньи знали, что взять за руку нужно было не ее.

В одном из кабинетов дальше по коридору голый по пояс Бубу соскользнул со стула и рухнул на пол, не докричав свое очередное «медведи из Бьор...». Окружившие его парни принадлежали к двум категориям: к тем, кто обожает хоккей, и к тем, кто его ненавидит. Первые перепугались, что Бубу получил травму; вторые на это надеялись.

Одна простая истина, которую повторяют так же часто, как игнорируют, заключается в том, что если вы говорите ребенку, что у него все получится или, наоборот, говорите, что у него не получится ничего, то все именно так и будет.

По натуре Бенгт не был лидером. Он только и делал, что кричал. Он тренировал Амата все те годы, пока тот играл в детской команде, и больше всего на свете Аamat боялся, что если в следующем сезоне Давид станет тренером основной команды, то Бенгт получит место тренера юниоров в тот момент, когда туда переведут самого Амата. Еще два года с Бенгтом он просто не выдержит, даже ради хоккея. Бенгт не владел ни тактикой, ни техникой, для него хоккей – одна сплошная война. Чтобы приободрить их, Бенгт всегда орал: «Вы должны взять эту крепость! А не то они трахнут вас в задницу!» Если бы у этих пятнадцатилетних подростков в руках были топоры, а не клюшки, педагогика Бенгта все равно сводилась бы к тем же принципам.

Остальным в команде приходилось еще хуже, ведь если ты лучший, то тебе меньше попадает, а в этом сезоне Аamat стал лучшим. Закариас только успевал уворачиваться от фонтана слюней, когда Бенгт орал: «Зак, хватит шрам между ног чесать, чертов транс!» или: «У тебя скорость как у беременной!» – но тут вылетал Аamat. Когда он думает, как близок был год назад к тому, чтобы навсегда бросить хоккей, он и сам не знает, радоваться ли тому, что не бросил, или расстраиваться, что так решительно отказался от этой идеи.

Он тогда дико устал, это он помнит хорошо. Устал от борьбы, от постоянного крика, от взбучек и драк, от того, что во время тренировок в раздевалку проникали юниоры, резали его ботинки и выбрасывали одежду в душ. Устал доказывать, что он не тот, кем они его называют: «Из Низины. Сын уборщицы. Слишком мелкий. Слишком слабый».

Однажды вечером, придя домой, он лег в постель и пролежал в ней четыре дня. Мама его не трогала. Только на пятый день она открыла дверь и заглянула к нему перед тем, как уйти на работу:

– Я понимаю, что ты играешь с медведями. Но все же не забывай, что ты лев.

Поцеловав его в лоб, она положила руку ему на сердце, и он прошептал:

– Мама, это так трудно.

– Если бы твой папа увидел, как ты играешь, он бы тобой очень гордился, – ответила мама.

– Папа, наверное, даже не знал, что такое хоккей... – пробормотал Аамат.

– Именно поэтому и гордился бы! – повысила голос мама. А она гордилась тем, что никогда не повышает голос.

В то утро она уже успела вымыть трибуны, коридор, кабинеты и спустилась в раздевалку, когда вахтер зашел к ней, постучав о дверной косяк. Когда она подняла взгляд, вахтер кивнул на площадку и улыбнулся. Аамат разложил между линиями свои варежки, шапку и куртку. В то утро мальчик понял, что единственный способ превзойти медведей в хоккее – это не играть в медвежьей манере.

Давид сел в верхнем ряду трибуны. За свои тридцать два года он больше времени провел в ледовом дворце, чем за его пределами. Он любил хоккей по многим причинам, но больше всего за то, что хоккей – самая сложная и самая простая штука на свете. Научиться хоккею можно за одну секунду, но на остальное уйдет целая жизнь.

Когда он стал тренером, Суне на протяжении всего сезона заставлял его смотреть все матчи основной команды отсюда, с верхотуры, где сосуды в носу лопаются, и теперь это стало привычкой, от которой трудно было отделаться. Отсюда хоккей выглядел по-другому, и правда состояла в том, что вопросы у Суне и Давида всегда были одинаковые, вот только ответы разные. Суне хотел до последнего держать всех игроков в их возрастной группе, чтобы у них было время поработать над слабыми местами, созреть, построить неуязвимую команду. Для Давида это означало создать команду, где не будет исключительных игроков. Суне считал, что, если мальчику приходится играть со старшими, он будет делать это на пределе возможностей. Давиду тоже так казалось, только он не видел в этом проблемы. Ему не нужна была команда, где все игроки одинаково хороши в чем-то одном, ему нужны были таланты разных калибров.

Суне был как Бьорнстад: он исповедовал древнюю веру в то, что дерево не должно быть выше леса, и наивно полагал, что много работать – это главное. Поэтому клуб достигал все больших успехов, а вместе с этим в городе стремительно росла безработица. Одной рабочей силы оказалось недостаточно, нужны были идеи. Коллектив работает только тогда, когда он собирается вокруг звезды.

В клубе хватало тех, кто полагал, что в хоккее «все должно идти как идет». От этих слов Давиду хотелось завернуться в ковер и заорать так, чтобы лопнули голосовые связки. Как будто хоккей хоть когда-то стоял на месте! Да когда его изобрели, еще даже пасов вперед не было, а два поколения назад вообще играли без шлемов. Хоккей, он как все живые организмы: должен развиваться и приспосабливаться к новым условиям, иначе он погибнет.

Давид уже не помнил, в какой момент они с Суне начали этот спор, но когда он по вечерам приходил домой не в духе, его девушка подкалывала его: «Опять с папочкой поругался?» Доля правды тут имелаась: когда Давид стал тренером, Суне был для него больше чем просто куратор. Конец карьеры для хоккеиста – это череда захлопывающихся перед тобой дверей, а Давид жить не мог без команды, ему непременно надо было чувствовать себя частью чего-то большого. Когда в двадцать два года ему пришлось из-за травм навсегда покинуть площадку, Суне был единственным, кто его понял.

Суне обучал Давида работе тренера, одновременно объясняя Петеру азы профессии спортивного директора. Давид и Петер во многом были противоположностями, первый мог затеять конфликт с дверью, а второй так избегал малейших столкновений, что даже время убить не решался. Суне надеялся, что они друг друга дополнят, но вместо этого между ними выросла взаимная неприязнь.

Долгие годы Давид ужасно стыдился, что не может справиться с завистью, когда Суне и Петер запирались у Петера в кабинете, а его не приглашали. В основе любви Давида к команде лежал страх оказаться за бортом. В итоге он сделал то же, что и все амбициозные ученики: взбунтовался против учителя.

Ему было двадцать два года, когда он начал тренировать группу семилетних мальчиков, среди которых были Кевин, Беньи и Бубу. Вот уже десять лет, как он был их тренером, за это время он сделал их одной из лучших команд юниоров в стране, и теперь понял, что больше не может быть верным учеником Суне.

Игроки для него были на первом месте, клуб требовал большего. «Команда важнее, чем ты» – этот принцип лежит в основе хоккея. Давид был принципиально убежден в том, что теоретикам спорта, не ступавшим ногой в раздевалку, никогда не понять их культуру. Пусть пеняют на «элитарность» в своих газетах сколько угодно. Им, эгоистам и трусам, не понять: сначала команда, потом уже ты.

Давид знал, что скажут люди, когда он займет место Суне. Он знал, что многие это не одобряют. Зато им понравятся результаты на табло.

Бенгт дунул в свисток у самого уха Зака, так что мальчик споткнулся о свою клюшку. Бенгт злорадно расхохотался.

– Худшим игроком на сегодняшней тренировке была, как обычно, малышка Зак. Ей выпала честь собирать шайбы и конусы!

Бенгт покинул площадку, за ним устремились остальные игроки. Некоторые смеялись над Заком, он попытался показать им средний палец, но в хоккейных перчатках сделать это непросто. Агат уже ездил по льду и собирал шайбы. Дружба есть дружба – пока Закариас оставался на площадке, Агат был рядом.

Когда Бенгт исчез из поля зрения, Зак с недовольным видом поднялся и проехался по льду, передразнивая манеру тренера – кататься, сильно подавшись вперед и злобно почесывая задницу:

– СОБЕРИ ШАЙБЫ! ЗАЩИТИ КРЕПОСТЬ! НЕ СТОЙ РАКОМ! У МЕНЯ НА ПЛОЩАДКЕ НЕ ТРАХАЮТ В ОЧКО... ОЙ... ПОГОДИТЕ... ЧТО ЭТО? У МЕНЯ В ОЧКЕ? ЧТО ЭТО – НЕУЖЕЛИ ТРАХ? АГАТ, У МЕНЯ ТРАХ ЗАСТРЯЛ В ОЧКЕ! А НУ ДОСТАНЬ ЕГО ЖИВО, КОМУ СКАЗАЛ!

И Зак стал пятиться на Агата, который с хохотом скользил от него по льду, а потом увернулся, и Зак, въехав прямо в открытый отсек для штрафников, плюхнулся на скамью.

– Может, останемся и посмотрим, как играют юниоры? – спросил Агат, хотя знал, что Закариас ни за что в жизни не согласится.

– Так и скажи – «посмотрим на Кевина», зачем приплетать юниоров. Знаю я, что он твой кумир, Аамат, но у меня есть своя жизнь! Carpe diem! Смейся и люби!

Аамат вздохнул.

– Ладно, забудь, проехали...

– У ТЕБЯ ЧТО, КЕВИН ЭРДАЛЬ В ОЧКЕ, ААМАТ? – закричал Зак.

Аамат стукнул клюшкой по льду.

– Может, придумаем чего-нибудь в выходные?

Аамат попытался придать голосу непринужденность. Как будто он вовсе и не думал об этом весь день. Зак встал со скамейки штрафников с грацией слоненка, подстреленного усыпляющим шприцем.

– У меня есть две новых игры! Только приноси свою приставку, мою ты доломал в прошлый раз!

После такого обвинения Аамат немного обиделся – приставка была сломана о его лоб, когда Зак швырнул ее в ярости после проигрыша. Он откашлялся и собрал оставшиеся шайбы.

– Я подумал, мы могли бы... пойти погулять.

Закариас посмотрел на Аамата так, будто тот предложил налить яду друг другу в уши.

– Пойти куда?

– Ну... погулять. Люди иногда это делают.

– Ты имеешь в виду, что это делает Мая?

– Я сказал «люди»!

Закариас пританцовывая закружился на коньках и запел:

- Маю и Амата ветром кача-а-а-ает, Аमत на Маю долго конча-а-ает...

Амат с грохотом наподдал шайбой об борт рядом с Заком, но не удержался и захохотал.

Давид и Бенгт стояли в коридоре у раздевалки.

- Это ошибка! - настаивал Бенгт.

- Как бы странно это ни прозвучало, но первые двенадцать раз я слышал это собственными ушами. А теперь помоги юниорам подготовиться к тренировке, - холодно сказал Давид.

Бенгт потопал вперед, а Давид потер виски. Не сказать чтобы Бенгт был незаменимым ассистентом, Давид спокойно относился к крику и мату, это часть хоккейной культуры, к тому же, по правде говоря, некоторым парням в команде был просто необходим такой тиран, хотя бы для того, чтобы они нацепили защиту на нужную часть тела. Но иногда Давид задавался вопросом, что будет, если Бенгту достанется команда юниоров, он ведь в хоккее разбирается не лучше, чем среднестатистический горлопан с трибуны. Если выйти на улицу и бросить камень, то любое живое существо, в которое ты попадешь, будет обладать примерно такой же компетенцией.

Амат и Зак шли по коридору и смеялись во весь голос, но, увидев Давида, тотчас замолкли. Мальчики прижались к стене, чтобы его пропустить. Амат подскочил от неожиданности, когда Давид поднял руку:

- Ты Аमत?

Амат кивнул.

- Мы... нам поручили собрать шайбы... мы просто пошутили... Зак решил подурачиться, это шутка...

Давид непонимающе посмотрел на него. Амаг нервно сглотнул.

– Ну а если вы ничего не заметили, так... ничего такого мы и не делали.

Давид улыбнулся:

– Я видел тебя на тренировках юниоров, ты сидел на трибуне. Ты там бываешь чаще, чем сами юниоры.

Амаг кивнул с остолбеневшим видом:

– Я... извините... просто хочу научиться.

– Отлично. Я знаю, что ты изучаешь манеру Кевина, это хороший образец для подражания. Обрати внимание, как он всегда наблюдает за коньками защитника в команде противника, когда они оказываются один на один: как только коньки меняют угол и центр тяжести смещается, Кевин бросает по воротам в трафике.

Амаг снова кивнул, полностью онемев. Давид смотрел ему прямо в глаза – мальчик не привык к тому, чтобы взрослые мужчины так с ним себя вели.

– Все знают, что скорость у тебя превосходная, но бросок еще надо оттачивать. Жди, когда вратарь переместится в сторону и бей по свободной траектории. Как думаешь, ты сможешь этому научиться?

Амаг кивнул. Давид крепко похлопал его по плечу:

– Отлично. Поторопись с этим, потому что через пятнадцать минут у тебя тренировка с юниорами. Иди в раздевалку, там получишь футболку.

Амаг машинально потянулся к ушам, чтобы убедиться – они на месте, он все правильно услышал. А Давида уже след простыл.

Дождавшись, пока тренер завернет за угол, Закариас бросился другу на шею. У Амата перехватило дыхание. Закариас прокашлялся:

– Слушай, Аамат, а если серьезно, что бы ты выбрал – переспать с Маей или переспать с Кевином?

– Заткнись! – засмеялся Аамат.

– Да ладно, уже спросить нельзя! – ухмыльнулся Закариас и, хлопнув его по шлему, прорычал: – Прикончи их, бро!

Аамат сделал вдох, глубокий, как озеро у ледового дворца, и, миновав детскую раздевалку, вошел в раздевалку юниоров. Его встретили дружным взрывом возмущения, посыпался мат и проклятия: «Пошел вон, гребаный масочник!» Но тут вернулся из туалета Давид, и стало так тихо, что было слышно, как упала на пол чья-то ракушка. Давид кивнул Бенгту, и тот неохотно кинул Аамату футболку, от которой воняло потом. Никогда еще Аамат не был так счастлив.

В коридоре остался его лучший друг. За закрытой дверью.

В хоккее не бывает «почти».

12

Многолетний брак – дело нелегкое. Настолько нелегкое, что большинство из тех, кто с этим знаком, иногда задаются вопросом: «Мы все еще вместе потому, что это любовь, или мне просто не под силу заново открываться новому человеку?»

Мира знает, что выводит Петера из себя своим постоянным зудением. Ему надоела вечная критика. Иногда она звонит ему по пять раз на дню, чтобы проконтролировать, выполнил ли он свои обещания.

Все дело в метели. Она никогда ему не рассказывала.

В кабинете у Петера идеальный порядок. Письменный стол такой чистый, что с него можно есть, если, конечно, кто-то осмелится есть поблизости от кабинета Петера, не опасаясь, что у него может случиться паническая атака от крошек.

На полках стоят виниловые пластинки, которые он не берет домой, потому что боится Миру: она либо выкинет их, либо заставит его переехать в дом побольше. Петер заказывает пластинки в интернете с доставкой в канцелярию клуба, секретарь состоит с ним в заговоре. Кто-то курит тайком от жены, а кто-то тайно покупает пластинки.

Это его успокаивает – пластинки напоминают ему об Исаке. Петер никогда не рассказывал об этом Мире.

Мира не помнит, сколько лет было детям, когда случилась метель – наверное, они прожили в Бьорнстаде не так уж и долго, иначе бы она успела привыкнуть к тамошней зиме. Дело было незадолго до Рождества, уже начались каникулы, но на работе у Миры была экстренная ситуация, и ей пришлось ехать на важную встречу. Петер с Маей и Лео поехали кататься на санках. Мира стояла возле машины, наблюдая, как они удаляются в снежном вихре, – это выглядело красиво, но в то же время опасно. Когда они исчезли из виду, Миру охватило такое отчаяние, что всю дорогу на работу она проплакала.

Когда они жили в Канаде и Петер получил травму, Мира пошла работать, а Петер сидел с Исаком. Однажды у ребенка разболелся живот, и он кричал без остановки. Петер, охваченный паникой, перепробовал все способы: укачивал его, выходил с коляской на улицу, использовал все известные ему народные средства, но ничего не помогало. В конце концов он поставил пластинку. Наверное, все дело было в старом проигрывателе – раздалось шипение, комнату заполнили голоса... Как бы то ни было, Исак тут же замолчал. Затем улыбнулся. И уснул у Петера на руках. В это мгновение Петер в последний раз в жизни почувствовал себя хорошим отцом. В этот момент он мог сказать себе, что справился с задачей. Петер никогда не рассказывал об этом ни Мире, ни кому-то еще. Но теперь втайне покупал пластинки, потому что хотел вернуть это мгновение хотя бы один-единственный раз.

После встречи в то утро накануне Рождества Мира позвонила Петеру. Тот не ответил. Притом что всегда брал трубку. Затем она услышала по радио предупреждение о том, что в лесу сильная метель и метеорологи рекомендуют остаться дома. Мира перезванивала Петеру тысячу раз, орала в автоответчик, но напрасно. Она бросилась в машину и всю дорогу по полной жала на газ, хотя обзор впереди был не больше метра. Она бегала среди деревьев в том месте, где они расстались утром, и кричала как сумасшедшая, падала на землю и рылась в снегу, как будто могла откопать там детей. Она отморозила уши и кончики пальцев, впоследствии она не могла объяснить, что на нее нашло. И только много лет спустя она поняла, что это был нервный срыв.

Через десять минут зазвонил телефон. На другом конце были Петер и дети, веселые и беспечные, они спросили, куда она подевалась. «ВЫ ГДЕ?» – крикнула Мира. «Дома», – ответили они, жуя мороженое и булочки с корицей. Когда Мира спросила почему, Петер с недоумением ответил: «Началась метель, и мы вернулись домой». Он забыл зарядить телефон, оставил его в тумбочке у кровати.

Мира никогда не рассказывала ни Петеру, ни кому-то еще, но после той метели она так до конца и не оправилась. У нее навсегда осталось чувство, что она их потеряла. Поэтому Мира звонила мужу и детям по пять раз на дню – иногда их отчитать. И убедиться, что они есть.

Петер поставил пластинку, но сегодня это не помогало. Он все думал о Суне. Часами пережевывал одну и ту же мысль, глядя на черный экран компьютера, и остервенело бросал об стенку резиновый мячик.

Когда зазвонил телефон, он так обрадовался, что даже не вспомнил, как его бесит, когда Мира уверена, что он опять забыл свои обещания.

– Ты машину в сервис отогнал? – спросила она, заранее зная ответ.

– Да! Конечно, отогнал! – ответил Петер таким убедительным голосом, который бывал у него, только когда он врал.

– А как же ты на работу добрался?

- Откуда ты знаешь, что я на работе?

- Слышу, как ты бросаешь об стенку свой идиотский мячик.

Петер вздохнул:

- Тебе когда-нибудь говорили, что тебе надо работать адвокатом или кем-то в этом роде?

Адвокат на другом конце засмеялся:

- Если бы я не была профессиональным победителем в «камень-ножницы-бумага», то подумала бы над твоим предложением.

- Да ты просто мошенница.

- А ты врун.

Вдруг Петер сказал с дрожью в голосе:

- Я так тебя люблю.

Мира захохотала, чтобы он не услышал, как она плачет, и сказала:

- И я тебя.

Они попрощались. Четыре часа спустя Мира обедала перед монитором, чтобы закончить пораньше и успеть купить гитарные струны для Майи - перед тем как заехать домой, чтобы отвезти Лео на тренировку. Петер и вовсе не обедал, чтобы не давать организму повода для новых рвотных позывов.

Многолетний брак - дело нелегкое.

В раздевалке юниоров непривычная тишина. Парни кожей чувствовали приближение завтрашнего матча. Вильям Лит, с бородой густой, как мех выдры, и весом примерно с небольшой автомобиль, хотя ему только что исполнилось восемнадцать, наклонился к Кевину и шепнул голосом, каким в фильмах про тюрьму просят нож, выточенный из зубной щетки:

– У тебя снюс есть?

В прошлом сезоне Давид в разговоре с Бенгтом упомянул, что одна подушечка снюса приносит больше вреда, чем ящик пива, и с тех пор Бенгт и родители готовы с юниоров скальп снять, если увидят на кармане джинсов потертость круглой формы от коробочки снюса.

– Нет, – ответил Кевин.

Лит благодарно кивнул и отправился на промысел дальше по раздевалке. Они играли вместе на первой линии, но, несмотря на то что Лит был крупнее и старше, Кевин всегда оставался безоговорочным авторитетом. Беньи, который пользовался чуть большим авторитетом, нежели Лит, дремал, лежа на полу, но, потянувшись за клюшкой, наподдал Кевину в живот.

– Какого хрена?! – рявкнул Кевин.

– Дай снюс, – попросил Беньи.

– Слышь, гондон, ты чё, оглох? Бросил я.

Беньи так и лежал на полу, не спуская глаз с Кевина, и продолжал тыкать его клюшкой в живот, пока тот не достал из кармана куртки почти полную упаковку со снюсом.

– Когда ты уже поймешь, что мне бесполезно врать? – улыбнулся Беньи.

– Когда ты уже начнешь сам покупать себе снюс? – ответил Кевин.

– Возможно, это случится одновременно.

Лит вернулся несолоно хлебавши и радостно кивнул Кевину:

– Твои предки завтра будут на матче? Мать моя всей родне билеты купила!

Кевин молча обматывал клюшку изолентой. Боковым зрением Беньи оценил ситуацию и, повернувшись к Литу, с ухмылкой сказал:

– Не хочу тебя огорчать, Лит, но твоя родня ходит на наши матчи, чтобы полюбоваться на Кевина.

Раздевалка взорвалась дружным хохотом. А Кевин был избавлен от ответа на вопрос о том, придут ли его родители. Беньи был идеальным товарищем, если не считать, что у него вечно не было снюса.

Амат сидел в углу, прикинувшись ветошью. Самый юный игрок в раздевалке, масочник, он имел все основания не привлекать к себе лишнего внимания. Он старался смотреть поверх голов, чтобы не встречаться ни с кем взглядом, но все же успеть вовремя среагировать, если в него запустят чем-то тяжелым. Стены над вешалками были увешаны плакатами с лозунгами: «Тяжело в тренировке, легко в игре», «Команда важнее тебя», «Играй за медведя на груди, а не за имя на спине». Особенно крупными буквами был написан лозунг, красовавшийся в центре: «Мы не умеем проигрывать, потому что редко этим занимаемся!»

Амат на секунду утратил бдительность и слишком поздно заметил надвигавшегося Бубу. Когда защитник нагнулся к нему, Амат целиком оказался в тени его исполинского торса. Он ждал, что Бубу ударит его, но тот улыбнулся. Ничего хорошего это не предвещало.

– Будь снисходителен к этим невежам, сам знаешь, какие они невоспитанные.

Амат заморгал, не зная, что на это ответить. Некоторое время Бубу откровенно наслаждался его растерянностью, затем с торжественным видом повернулся к остальным игрокам, которые замерли в предвкушении. Он ткнул пальцев в ошметки изоленты, валявшиеся тут и там на полу.

– Смотрите, сколько мусора, парни! Разве это дело? А убирать кто будет, ваши мамочки?

Юниоры ухмыльнулись. Бубу демонстративно прошелся по раздевалке, подбирая обрывки изоленды, пока они не перестали помещаться у него в руках. Затем он поднял их к потолку и подбросил, бережно, как новорожденного младенца. Посмотрев Амату прямо в глаза, он улыбнулся и пояснил:

– А убирать будет мамочка Амата!

Помедлив в воздухе, ошметки обрушились на мальчика в углу, словно маленькие острые снаряды. Теплое дыхание Бубу коснулось его уха, когда защитник отдал распоряжение:

– Будь любезен, позови мамочку, масочник! А то грязь такая, что ступить негде.

«ВПЕРЕД!» – заорал Бенгт, и раздевалка опустела за десять секунд. Кевин вышел последним. Проходя мимо прикусившего губу Амата, который стоял на коленях и собирал изоленду, он бросил без всякого намека на сочувствие:

– Он просто пошутил.

– Да-да, конечно. Просто пошутил, – тихо повторил Аमत.

– Ты... знаешь Маю? – добавил Кевин, уже стоя в дверях, как будто это случайно пришло ему в голову.

Аमत поднял взгляд. В этом сезоне он не пропустил ни одной тренировки юниоров. Он знал, что у Кевина случайностей не бывает. Все, что он делает, спланировано и продумано до мелочей.

– Да, – пробормотал Аमत.

– У нее парень есть?

Амат помедлил с ответом. Кевин нетерпеливо стукнул клюшкой об пол. Амат долго смотрел на свои руки, а потом неохотно помотал головой. Удовлетворенно кивнув, Кевин направился на коробку. Амат так и остался стоять, прикусив губу и раздувая ноздри. Наконец он швырнул изоленду в корзину и поправил защиту.

Последним, что он увидел, выходя из раздевалки, были слова, накорябанные затупившимся карандашом на пожелтевшей помятой бумажке: «Кому много дано, от того многого ждут».

Юниоры собрались на льду в центре площадки, где был изображен символ клуба – разъяренный медведь: громадный, гневный, грозный. Амат был самым маленьким, всегда. С восьми лет он только и слышал, что не пройдет на следующий уровень, что он недостаточно крепкий, сильный и рослый. Он оглянулся по сторонам: завтра они играют в полуфинале, эта команда юниоров в четверке лучших по стране. И вот он здесь. Амат посмотрел на Лита, Бубу, Бенгта и Давида, на Беньи и Кевина и решил показать им, что он умеет играть. Даже если ради этого придется пожертвовать жизнью.

Ничто не свете не может расстроить Петера так, как хоккей. Самое странное, что почти ничего не может сделать его настолько счастливым. Он прокручивал в голове ситуацию до тех пор, пока в кабинете не кончился кислород. Когда тоска и тошнота стали невыносимы, он пошел на площадку и поднялся на трибуну. Там ему думалось лучше, он провожал взглядом мячик, равномерно бившийся об бетонный пол, и даже не заметил, как на льду началась тренировка команды юниоров.

Суне вышел из кабинета, чтобы налить себе кофе, а по дороге обратно увидел Петера, одиноко сидевшего на трибуне. Суне понимал, что Петер уже взрослый мужчина, но старый тренер так и не смог к этому привыкнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Сноски

1

В Швеции действует государственная монополия на алкоголь, его можно приобрести лишь в специальных магазинах. В супермаркетах продается только слабоалкогольное пиво. – Здесь и далее прим. пер.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/fredrik-bakman/medvezhiy-ugol>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)